

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой _____ Е. Л. Березович

« ____ » _____ 2023 г.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА МАТЕРИ

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Руководитель, д. ф. н., проф.

И. В. Шалина

Нормоконтролер

Ю. М. Кокошко

Студент гр. УГИМ-210006

Д. А. Малых

Екатеринбург
2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. «Речевой портрет» в теоретическом освещении.....	5
1.1. Понятие «речевой портрет» в современной лингвистике	5
1.2. Лексические особенности разговорного функционального стиля	11
1.3. Разговорный диалог с позиций текстового анализа	17
Выводы по главе 1	26
Глава 2. Речевой портрет матери: опыт описания	28
2.1. Лексические средства характеристики речевого портрета	28
2.2. Общее предметно-тематическое структурирование разговорного диалога	43
Выводы по главе 2	68
Заключение	70
Список использованной литературы	72

Введение

С середины XX века лингвисты стали исследовать роль человеческого фактора в языке, по-новому рассматривать такие проблемы, как язык и мышление, языковая личность, национальный язык определенного этноса. Изучение проблемы языковой личности стало возможным благодаря исследованиям в области коммуникативной лингвистики.

Современная лингвистика фокусируется на изучении того, как изменения в культурных и социальных процессах, влияют на повторяемость определенных моделей коммуникативного поведения.

Материнство влечет за собой не только приобретение нового социального статуса, но и психологические трансформации, видоизменения в мировоззрении и картине мира женщины, что находит выражение в речевом поведении матери.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью описания речевого портрета женщины в контексте важной социальной роли – матери.

Объект исследования – речевой портрет матери.

Предметом исследования лексические особенности этого речевого портрета.

Цель данной работы – выявление особенностей речевого портрета матери на вербально-семантическом уровне.

Для реализации цели были поставлены следующие **задачи**:

- теоретически осмыслить феномен речевого портрета;
- определить методы и приемы анализа вербально-семантического уровня речи матери;
- выявить и описать способы реализации категории темы в разговорных диалогах;
- выполнить анализ вербально-семантического уровня речи матери.

Материалом для исследования служат аудиозаписи речи матери в различных ситуациях (дома, в магазине, на работе) с различными

собеседниками (с мужем, своими детьми, внуками). В нашем распоряжении 40 диалогических фрагментов с участием женщины-матери, временная протяженность аудиозаписей составляет 8 часов, общее количество письменных знаков – 25024. Диалоги фиксировались методом скрытой записи.

В работе используются общенаучные **методы** (аналитический, классификационный, описательный), методы и приемы речедеятельностного, компонентного анализа, метод речевого портретирования.

Поставленные задачи обусловили **структуру** работы: введение, две главы, заключение и список использованной литературы.

Апробация работы. Исследование обсуждалось на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации на иностранных языках УГИ УрФУ. Отдельные положения исследования были апробированы в 2020 г. на конференции «Аксиологические аспекты современных филологических исследований». По итогам доклада опубликованы тезисы:

Чернышова, Д. А. Лингвокультурный типаж «яжемать» по данным интернет-общения / Д. А. Чернышова, И. В. Шалина // Молодые голоса: сборник трудов молодых ученых: выпуск 9. – Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2020. – С. 48–54.

Чернышова, Д. А. Лингвокультурный типаж матери / Д. А. Чернышова // Трансформация реальности: стратегии и практики: 5 й молодежный конвент УрФУ: материалы международной конференции 25–27 марта 2021 года. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – С. 449–451.

Глава 1. «Речевой портрет» в теоретическом освещении

1.1. Понятие «речевой портрет» в современной лингвистике

В современной лингвистике широко используется метод речевого портретирования как средство изучения языковой личности. По мнению С. В. Леорды, «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность» [Леорда 2006: 48]. Безусловно, термины «речевой портрет» и «языковая личность» находятся в тесной взаимосвязи. Как отмечает О. И. Асташова, «в лингвоперсонологии языковая личность является объектом речевого портретирования, в свою очередь, речевой портрет – один из жанров описания языковой личности. В ряде работ термины "языковая личность" и "речевой портрет" соположены и выступают как контекстные синонимы» [Асташова 2013: 13]. Мы постараемся определить и разграничить данные понятия.

Первое употребление сочетания *языковая личность* принято связывать с именем немецкого философа Й. Л. Вайсгербера. В книге «Родной язык и формирование духа» ученый пишет: «...язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу...» [Вайсгербер 2004: 81].

В отечественной лингвистике первым обозначил данную проблематику В. В. Виноградов, поставив задачу исследования личностей автора и персонажа литературного произведения посредством анализа языковых средств художественного текста. Однако ни в работах Л. Вайсгербера, ни в трудах В. В. Виноградова сочетание *языковая личность* не является терминологическим – авторы не дают научного толкования данному понятию.

В 1980 г. Г. И. Богин одним из первых дал определение языковой личности: «Центральным понятием лингводидактики является языковая личность – человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности

производить речевые поступки. Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин 1980: 58]. Позднее автор дополняет дефиницию: языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1982: 3]. «Человек как языковая личность постоянно оценивается наблюдающими его людьми ... каждый другой индивид выступает в функции «оценщика», т. е. говорит, думает или чувствует, что в чьей-то речевой деятельности что-то хорошо и что-то плохо. Обоснованные суждения о языковой личности, имеющие оценочный характер, доступны отнюдь не только лингвистам» [Богин 1984: 3]. Именно по оценочным суждениям Г. И. Богин и выделяет «от низшего до высшего» 5 уровней развития личности:

1) уровень правильности, который требует соблюдения некоторого минимума правил, позволяющих относить каждое данное сообщение именно к данному языку. Например, иностранец говорит: *Я буду прыгнуть сейчас*. Читая по-русски «Я сейчас прыгну», он понимает прочитанное так же, как «Я сейчас прыгаю»;

2) уровень скорости, требующий обоснованного распределения речевого поступка во времени на основе достигнутой способности к пониманию речи. Например, преддошкольник говорит: *Мама туда ходила, а я... мама ходила... мама туда ходила, там кошечка, три котеночка... мама туда ходила, я один был, там кошечка, три котеночка... и тетя чужая пришла... тогда*;

3) уровень насыщенности, который характеризуется готовностью личности использовать значительный массив потенциальных речевых актов, выходящий за пределы того минимума средств, при которых передача предметного содержания уже возможна, но еще не допускает варьирования. Например, школьник в письменной работе излагает начало романа «Мать» Горького: *В этом городе был завод. На заводе работали рабочие, Рабочие не*

любили этого завода. Работы они тоже не любили;

4) уровень адекватного выбора, подразумевающий готовность личности в пределах предложения производить выбор на основе критерия адекватности текста. Например: *Он ударил меня – по лицу, и я тоже... его-о... по физиономии;*

5) уровень адекватного синтеза. Например, происходит разговор: *Кладовщиком? А у вас тут в трудкнижке... Работали директором МТС... – Да, раньше... Моя звезда закатилась.* Неадекватность речевого поступка второго собеседника раскрывается лишь в контексте всего диалога.

Ю. Н. Караулов, ученый, обобщивший научные представления о понятии "языковая личность", дает такое определение: «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются:

- а) степенью структурно-языковой сложности;
- б) глубиной и точностью отражения действительности;
- в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989: 14].

Языковая личность, по мысли Ю. Н. Караулова, имеет три структурных уровня:

Первый уровень – **вербально-семантический** (семантико-структурной, инвариантный), отражающий степень владения обыденным языком;

Второй уровень – **когнитивный**, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры.

И третий – высший уровень – **прагматический**. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Одним из принципиальных научных вопросов является вопрос о соотношении терминов "языковая личность" и "коммуникативная личность". Для

того, чтобы разобраться в нем, проанализируем историю изучения концепции языковой личности и концепции коммуникативной личности.

С. Г. Воркачев отмечает: Понятие "языковая личность" образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность. Прежде всего под "языковой личностью" понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения – по существу личность речевая. Под "языковой личностью" понимается также совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная. И, наконец, под "языковой личностью" может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода "семантический фоторобот", составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре – личность словарная, этносемантическая» [Воркачев 2001: 64]. Ученый разграничивает понятия языковой личности и коммуникативной личности. Термин "языковая личность" шире понятия "коммуникативная личность". Языковая личность предстает в четырех аспектах: мыслительном, языковом, речевом, коммуникативном.

В. И. Карасик рассматривает языковую личность как коммуникативную личность, в структуре которой можно выделить ценностный, познавательный и поведенческий планы [Карасик 2004: 56]. Исследователь не разграничивает понятия и полагает, что языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность.

В. П. Конецкая считает понятие «коммуникативная личность» значительно шире понятия "языковая личность", так как первая «предполагает

характеристики, связанные с выбором не только вербального, но и невербального кода коммуникации с использованием искусственных и смешанных коммуникативных кодов, обеспечивающих взаимодействие человека и машины. Коммуникативная личность имеет свои особенности актуализации на разных уровнях и в разных типах коммуникации. Коммуникативная личность понимается как одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью ее индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью ее коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией – умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации» [Конечкая 1997: 164].

Определяющими для коммуникативной личности являются характеристики, которые составляют три основных параметра: мотивационный, когнитивный и функциональный. Пересечение некоторых характеристик языковой и коммуникативной личностей не означает тождества последних. Во-первых, эти характеристики занимают различное место в структуре языковой и коммуникативной личностей благодаря своей роли в их формировании; во-вторых, их содержательная интерпретация совпадает лишь частично.

В. И. Карасик полагает, что применительно к коммуникативной личности можно говорить о ценностном, познавательном и поведенческом планах. Ценностный план включает этические и утилитарные нормы поведения, отраженные в универсальных высказываниях, прецедентных текстах, составляющих культурный контекст, понятный среднему носителю языка, правилах этикета, коммуникативных стратегиях вежливости, оценочных значениях слов. Познавательный (когнитивный) план раскрывает картину мира, свойственную коммуникативной личности. Поведенческий план характеризуется специфическим набором паралингвистических средств

общения. Такие характеристики могут рассматриваться в социалингвистическом и прагмалингвистическом аспектах: в первом выделяются индексы речи мужчин и женщин, детей и взрослых, образованных и менее образованных носителей языка, людей, говорящих на родном и неродном языке, во втором – речеактовые, интерактивные, дискурсивные ходы в естественном общении людей [Карасик 2004: 34].

В. И. Карасик также замечает, что предлагаемые аспекты коммуникативной личности соотносимы с трехуровневой моделью языковой личности, однако они не идентичны. Модель Ю. Н. Караулова предполагает иерархию уровней. А ценностный, познавательный и поведенческий аспекты коммуникативной личности находятся в отношениях взаимодополнительности. Это значит, что можно рассматривать с позиций аксиологии когнитивные и поведенческие характеристики общения, с позиций ментальных представлений – ценности и коммуникативные ходы, с позиций речевого взаимодействия – этические, утилитарные и другие нормы, которых придерживаются носители данной культуры, и языковую категоризацию мира. При этом все названные аспекты коммуникативной личности – ценностный, познавательный и поведенческий – соотносятся с языковыми способами выражения, вербальными и невербальными [Карасик, 2004: 35].

Таким образом, существующее разграничение понятий "языковая личность", "речевая личность", "коммуникативная личность" и "речевой портрет" представляется несколько искусственным, поскольку языковая личность предстает как многогранный объект изучения, отдельные аспекты которого проявляются в языковом, речевом и коммуникативном планах, получающих номинации, соответственно, языковой, речевой и коммуникативной личностей. Наличие большого количества моделей языковой личности, коммуникативной личности и выбор основных из них регулируется практикой. В итоге остаются только наиболее эффективные модели. Например, модель Ю. Н. Караулова подходит для характеристики конкретных языковых личностей. «Речевой портрет» – одна из реализаций

языковой личности, создающая представления об особенностях речевых предпочтений, проявляющихся в определенной ситуации общения и в той или иной социальной роли. Детальное изучение понятия языковой личности приводит к возникновению множества определений, однако вслед за И. Т. Вепревой мы считаем, что современные попытки определения языковой личности – это измененные интерпретации компонентов «по Караулову» [Вепрева 2002: 50].

1.2. Лексические особенности разговорного функционального стиля

Формирование функциональных стилей происходит благодаря развитию общества и специализации речи в разных областях деятельности. Процессы научного исследования, деловых процедур, религиозной жизни, социального взаимодействия и искусства слова приводят к определенным закономерностям в выборе и сочетании языковых средств для удобства общения и мыслетворчества. Это приводит к созданию функциональных стилей, особенно в литературном русском языке. Лингвистические процессы необходимы для выражения этих процессов, и для этого необходимо иметь полное функционально-стилевое разделение, которое выражено в литературном языке.

М. Н. Кожина выдвинула положение о том, что стиль речи зависит от экстралингвистических факторов, или стилеобразующих факторов, таких как тип деятельности, соответствующее общественное сознание и тип мышления [Кожина 1968]. Эти факторы неотрывны от речевой коммуникации и её составляющих, таких как цели коммуникантов, материал коммуникации и условия коммуникации. Дополнительные факторы стилеобразования связаны с материальными формами выражения (устной и письменной речью) и типом речевой активности (диалогом и монологом), а также с субъективными характеристиками коммуникантов, но они менее влиятельны. При классификации функциональных стилей субъективные факторы

стилеобразования не учитываются.

Итак, краткий перечень факторов, которые определяют стиль текста, включает в себя: сферу деятельности и форму общественного сознания связанную с ней, ведущий тип мышления, тип содержания (объективно-логическое или модальное, типовая тематика), цели коммуникации (общение, сообщение, воздействие), тип коммуникации и статус коммуникантов (массовое или личное, социально-ролевое или личное, непосредственное или опосредованное), тональность общения (официальное или неофициальное), форму и вид речи (устную или письменную, диалог или монолог).

Согласно М. Н. Кожиной, функциональные стили являются основными разновидностями литературного языка, которые возникли под влиянием разных аспектов человеческой деятельности, форм общественного сознания, мышления, коммуникации и содержания. Каждый стиль имеет свою собственную систему языковых средств, выбранных и скомпонованных на основе собственных принципов [Стилистический энциклопедический словарь 2003: 581]. Следовательно, термины "функциональный стиль" и "стиль речи" являются эквивалентными.

Существует шесть функциональных стилей литературного языка – четыре из них (научный, официально-деловой, религиозный, публицистический) объединены на основе книжно-письменной речевой традиции и составляют группу книжных стилей. Оставшиеся два (разговорный и художественный) имеют свои особенности. Они объединены речевой исконностью, ролью авторской личности и важностью диалога, но имеют разные уровни креативности и эстетической функции.

Одной из особенностей национального языка является разговорная речь, которая включает в себя личное неформальное общение и связана с повседневными мыслями и действиями людей.

Термин "разговорная речь" используется для понимания того, что национальный русский язык является смешением глобальных типов речи: естественного быденного (разговорного) и книжного кодифицированного

(литературного), которые частично пересекаются. Область пересечения этих типов связана с носителями литературного языка. О. Б. Сиротинина отмечает, что разговорную речь в этой среде можно назвать литературно-разговорной, литературно нормированной разговорной речью [Сиротинина 1983: 172]. Иными словами, в разговорной речи есть функциональный стиль, который является разговорным.

Иначе говоря, в пределах разговорной речи используется разговорный стиль. Он отличается простотой и фактологичностью содержания, а также неподготовленностью, непринуждённостью и непосредственностью речевого общения [Земская 1973: 9]. Одна из особенностей разговорной речи – это значительная языковая свобода и отсутствие социальных ограничений по выбору языковых форм, так как это индивидуальный способ общения [Скребнев 1985: 45]. В разговорном стиле основное внимание уделяется содержанию разговора, а не форме выражения [Стилистический энциклопедический словарь 2003: 320].

Разговорный стиль базируется на сочетании индивидуальности и ситуативности, что позволяет использовать вербальные и невербальные коды общения. Личные данные коммуникантов (пол, возраст, образование, индивидуальные особенности, степень знакомства, общность опыта) и особенности ситуации влияют на характер общения. Часто разговорное взаимодействие связано со ситуацией и может передавать скрытые значения. Такие невербальные смыслы могут быть восстановлены на основе ситуации или общей информации, которая доступна говорящим [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 10 – 19].

Разговорная речь в концепции Е. А. Земской противопоставляется разговорному (сниженному) стилю разговорного языка; вместе с тем «разговорная речь как особая разновидность литературного языка является тем источником, откуда сниженный стиль черпает экспрессивные, в первую очередь лексические, средства» [Русский язык, энцикл., 1979: 249].

Е. А. Земская противопоставляет разговорную речь кодифицированному

литературному языку «как различные системы, функционирующие в одном и том же коллективе и создающие особый вид двуязычия», разговорная речь – «это особый литературный язык» [Земская, 1979: 21]. Здесь важно определение "литературный", подчеркивающее существенную, по мнению исследователя, черту носителей разговорной речи – это люди, непременно владеющие литературным языком, и, хотя «просторечие так или иначе может проникать в разговорную речь (обычно через жаргоны), но между двумя этими сферами речи лежит пропасть» [Капанадзе 1983: 148]. Разговорный стиль и книжная речь отличаются друг от друга по своим стилеобразующим факторам и языковому составу. Одной из характеристик разговорного стиля является присутствие стилистически выделенных единиц, которые не используются в книжной речи. Открытость лексической системы разговорного стиля объясняется свободным общением в реальных ситуациях с использованием общенационального языка.

Такие свойства разговорной речи, как установка на неофициальное общение, непринужденность, значительная зависимость от ситуации, спонтанность, приводят к созданию слов с ярко выраженной стилистической характеристикой, экспрессией, эмоциональностью, оценочностью [Земская, 1979: 36].

Как следует понимать непринужденность общения? Е. А. Земская считает, что «непринужденность общения создается тремя компонентами внеязыковой ситуации: 1) неофициальные отношения между говорящими, т. е. близкие (дружеские, родственные) или нейтральные; 2) у говорящих отсутствует установка на сообщение, имеющее официальный характер (лекция, доклад, выступление на собрании, ответ на экзамене, научный диспут и т. д.); 3) в ситуации речи использование элементов, нарушающих неофициальность общения (присутствие посторонних лиц, магнитофон для записи речи и т. п.). Иными словами: 1) разговорная речь не может быть подготовленной заранее; 2) если говорящие находятся в официальных отношениях, они не должны ею пользоваться. Разговорная речь в таких

условиях свидетельствует или о недостаточном владении нормами литературного языка (о недостаточной речевой культуре говорящего), или об установке на шутку (о намеренном желании «оживить» ситуацию)» [Земская 1979: 36]. Использование языковых средств связано с уровнем стилистической нормы. Каждая культура имеет свои правила поведения и речевого этикета, связанные с телесными процессами, полом, болезнью и смертью. Использование низкого стиля может отталкивать слушателя, но такой стиль может быть уместен в неформальном общении, где он способствует более тесной связи между собеседниками. Эмоциональный тон речи зависит от ролевой функции коммуникантов и их готовности к использованию и восприятию сниженности. Однородность группы также играет большую роль.

«Исследователи отмечают как характерную черту разговорной речи ее лексическую разнородность, «разношерстность». И действительно, в текстах разговорной речи встречаются самые разнообразные в тематическом и стилистическом отношении группы лексики: это и обще книжная лексика, и термины, и иноязычные заимствования, и слова высокой стилистической окраски, и даже некоторые факты просторечия, диалектов и жаргонов» [Земская, 1979: 28]

Н. А. Купина и Т. В. Матвеева утверждают, что русская разговорная лексика отличается эмоционально-экспрессивным разнообразием и содержит собственно разговорные лексические единицы, предназначенные для употребления в непринужденном общении, а также слова, получающие разговорную окраску в отдельных значениях. Разговорная окраска органически сочетается с различными экспрессивными оценками. Лексика литературно-разговорного стиля организована системно, включая многочисленные тематические и лексико-семантические группировки, отражающие ментальные особенности номинации и оценивания целостных участков действительности. Разговорные слова могут объединяться и на основе однородной экспрессии, а параметрический и эмоциональный компоненты стилистических значений акцентируют детали, попадающие в

фокус субъективно-психологического восприятия. Выбор нужной единицы определяется чувством-отношением. Разговорная синонимия тесно связана с антонимией, а развитая синонимия и антонимия выступают как основные способы организации лексической системы литературно-разговорного стиля. В составе синонимических рядов широко распространены пары слов, организованные по схеме: производящее нейтральное слово – производное суффиксальное разговорное экспрессивное слово [Купина, Матвеева 2013].

Отмечается, что «одним из самых важных аспектов в описании речевого портрета является фиксация наиболее ярких элементов, как следствие, описание всех уровней языка не является обязательным, а основополагающей является характеристика языковых особенностей и особенностей речевого поведения» [Гордеева 2008: 89].

Одним из методов исследования является семантический анализ, при котором анализируются значения слов и связи между ними. Семантический анализ позволяет определить специфические черты индивидуального словарного запаса человека, его сознательное (например, использование специфических терминов) и бессознательное (например, использование определенных фразеологических оборотов) употребление слов. Описывая функционально-разговорный стиль, мы можем выделить его лексические особенности на лексико-семантическом уровне, которые также могут помочь в описании речевого портрета матери.

Таким образом, разговорный стиль является формой общения, которая используется в неформальных разговорах между людьми. Он отличается от литературного языка своей простотой и естественностью, но при этом имеет свои нормы и стилистические особенности. В разговорном стиле допустимо использование различных языковых форм, так как он является индивидуальным способом общения. Важно не только содержание разговора, но и форма его выражения. Использование разговорного стиля требует высокого уровня речевой компетенции и культуры общения. Он сохраняет связь с народной речью и национальной культурной традицией. Различие

между разговорным функциональным стилем и разговорной речью имеет культурно-специфичный характер.

1.3. Разговорный диалог с позиций текстового анализа

Термин "текст" является очень разносторонним в лингвистике и пока не имеет однозначного определения. Это объясняется сложностью феномена текста, который имеет множество граней и исследуется в разных научных направлениях. Вопрос о применимости термина "текст" к произведениям устной речи остается спорным. Обычно "текст" рассматривается «как общее название для продукта человеческой целенаправленной деятельности, то есть как материальный предмет, в генезисе которого принимала участие человеческая субъективность. При узкой трактовке текст выступает как произведение речи» [Богин 1982: 20].

В лингвистике под текстом понимается ряд высказываний, которые развиваются по смыслу и упорядочены определенным образом [Откупщикова 1979: 123; Ширяев 1982: 107]. Основными характеристиками текста считаются цельность и связность, которые имеют различную природу: психолингвистическую для цельности [Леонтьев 1979: 12] и логико-лингвистическую для связности [Гиндин 1971; Кожевникова 1979]. Необходимым условием цельности текста является соотнесенность с ситуацией, которой он посвящен [Мурзин, Штерн 1991: 13].

Кроме того, в качестве особой разновидности текста может рассматриваться отдельное высказывание, сверхфразовое единство [Гальперин 1974; 1981; Малинин 1989; Москальская 1978]. Различным аспектам исследования письменного монологического текста посвящена обширная литература [Гиндин 1971; Арутюнова 1971; Гак 1972; Лингвистика текста 1974; Бухбиндер 1978; Колшанский 1978; Новое в зарубежной лингвистике 1978; Предложение и текст 1978; Чахоян 1978; Барт 1978 1980; Синтаксис текста 1979; Попов 1980; Юганов 1980; Почепцов 1980; Аспекты...

1981; Москальская 1981; Чаковская 1986; Общение... 1989; Андреева 1992; Речевое мышление и текст 1993; Кожина 1992 и др.].

В установленном каноническом понимании письменный текст, который характеризуется смысловой целостностью, связностью и законченностью, рассматривается как коммуникативная единица высшего уровня, и его противопоставляют произведениям устной речи. «Текст – это сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, и имеющее определенный модальный характер и прагматическую установку» [Гальперин 1974: 67]. Однако такой подход не учитывает специфику разговорной речи и не позволяет рассматривать ее с текстовых позиций, что приводит к отрицанию ее текстового характера. Произведения разговорной речи не имеют четко выраженных границ начала и конца, проработанной композиции [Полищук 1992: 299], а также внутренней структуры; их высказывания несамостоятельны и имеют часто имплицитную связь [Адмони 1985: 192]. Сторонники такой точки зрения не считают возможным употреблять термин «текст» применительно к произведениям разговорной речи.

Представители другого мнения считают возможным принимать в расчет разговорную речь как тексты [Дресслер 1978; Ширяев 1982; Матвеева 1994]. При этом они обращают внимание на то, что «общая закономерность в организации текстов разговорной речи представляет собой единство двух противоположных тенденций: тесной неразделимой связи компонентов внутри фрагментов текста и возможности слабой связи между самими фрагментами» [Ширяев 1982: 113]. Очевидно, что «во всех случаях текст является продуктом речевой деятельности, который характеризуется функциональной обусловленностью, структурной оформленностью и семантической завершенностью. Он представляет собой речевое сообщение (зафиксированное в письменной или устной форме), возникшее с

определенной целью в определенной коммуникативной ситуации» [Метс и др. 1981: 10]. Разговорный текст, в отличие от канонического письменного текста, не является монолитным целостным текстом с единой планомерно организованной архитектурой. Он складывается из нескольких «программ», которые могут быть разнообразными и даже противоречивыми [Девкин 1979: 149]. Терминология, такая как «спонтанный текст», «разговорный текст» и «неканонический текст», используется для описания этого типа текста. Кроме того, отмечается, что личные представления и опыт собеседников являются важными факторами, влияющими на смысловое единство разговорных текстов.

Разговорные тексты выделяются из традиционных текстов по своей тематической специфике. Они часто включают несколько взаимосвязанных, но достаточно самостоятельных тем [Ширяев 1982: 110], что называется «политематичностью» [Земская 1998]. Есть мнение, что необычность разговорных текстов объясняется специфическими требованиями к этим текстам [Общение. Текст. Высказывание 1989: 61]. Одним из таких требований является наличие сквозной тематической цепочки, которая обязательна для всего текста и направляется говорящим [Матвеева 1992: 66]. Таким образом, содержательная специфика в разговорных текстах реализуется через особую текстовую категорию темы.

Подходы, описанные выше, представляют различные точки зрения на природу текстов, связанных с разговорной речью. Однако стоит отметить, что произведения, созданные в границах разговорной речи, являются специфическим типом текста, который имеет свои собственные правила создания и функционирования, а также соответствуют ряду общепринятых правил для традиционных текстов.

Наряду с этими подходами ряд ученых допускает возможность выделения зоны несомненных устных текстов на фоне большого количества «затекстовой» речевой массы. Г. Г. Полищук, например, утверждает, что некоторые произведения устной речи (лекции или рассказы) имеют текстовую

организацию: связанные темы, достаточно вербальных элементов и текстовых связок [Полищук 1989: 19]. Эти устные произведения можно рассматривать как тексты. Помимо них есть текстовая периферия, где текстовые свойства менее явны и меньше отражены словесно [там же: 21].

Таким образом, возникает линия, которая связывает письменные тексты (непреложные и канонические) и бытовые диалогические произведения разговорной речи, которые не все исследователи считают текстами. Однако главное место занимают устные монологические произведения, которые называются устными текстами, и их текстовая ориентация не вызывает сомнений у ученых.

Многие исследователи [Изенберг 1978; Кох 1978; Сгалл 1975; Сидоров 1986; Малинин 1989], которые анализируют разговорную речь основании расшифрованных текстов, ориентируются не на стандартную структуризацию текста, а на цели коммуникативного процесса. Эти исследователи считают, что ключевым фактором в понимании природы разговорной речи является стратегия говорящего, то есть способ, которым он пытается передать свои мысли и общаться с собеседником. Стратегия говорящего влияет на то, как компонуется текст, какие языковые и неязыковые средства используются и какой будет дальнейшее развитие разговора в зависимости от контекста и мотивов участников общения.

Некоторые исследователи считают произведения разговорной речи и традиционные тексты явлениями одного порядка, но не рассматривают их особенности. В частности, И. Я. Чернухина полагает, что «мы не можем не признавать наличия типа речевого мышления, обслуживающего бытовую и неофициальную коммуникацию людей, научные контакты, деловое взаимодействие, публицистическое обращение к аудитории, художественное воздействие на общество. Продукт речевого мышления первых трех сфер (обыденной, научной и деловой) – это тексты и диалоги; продукт публицистического и художественного общения – тексты» [Чернухина 1992: 123]. Из сказанного следует, что произведения разговорной речи можно

рассматривать как тексты, которые могут быть использованы в различных сферах. Это может служить доказательством текстового характера произведений разговорной речи, хотя это чувствуется, а не доказывается носителем языка.

Мы не имеем задачи объяснения текстового статуса обычных разговоров в бытовых ситуациях, так как признаём, что они являются текстами, которые содержат системные признаки разговорной речи, согласно работам Е. А. Земской, Е. Н. Ширяева и других исследователей [Земская, Ширяева 1981]. Для нашего исследования наиболее подходящим является рассмотрение текста как коммуникативного замысла, определяющего стратегию речевого общения. В случае бытовых разговоров эта стратегия заключается в обмене информацией и поддержании дружелюбного контакта с собеседником. Тем не менее, просто наличия этого критерия недостаточно для того, чтобы назвать разговорную речь текстом. Вторым критерием является ситуативное единство разговора, которое определяется началом и концом ситуации с участием преимущественно постоянных участников [Матвеева 1990: 112-113].

Даже несмотря на то, что текст разговорной речи обычно не так развернут и структурирован, как тексты, которые изучает лингвистика текста [Баринаова 1992: 36], возможно применение лингвотекстовых критериев к таким произведениям. Это связано с тем, что все высказывания имеют характер текста, и в языке всё может быть объяснено при помощи методов лингвистики текста [Малинин 1989: 76]. Разговорные диалоги имеют некоторые текстовые закономерности, например, единство текстового хронотопа. Таким образом, возможен категориально-текстовой подход к разговорному речевому произведению [Сибирякова 1996].

Традиционно, когда говорят о теме, подразумевается конкретный объект обсуждения или факт, который будет рассматриваться. Тема играет роль главного содержания текста, сжато и абстрактно передавая его суть. Она упорядочивает и объединяет все идеи в тексте, позволяет воспринимать его как целостное произведение и является обобщением всех основных понятий и

концепций в тексте. На лексическом уровне тема может быть выражена через повторение лексических компонентов или повторение самих слов. Она содержит в себе все важные концепции и идеи текста [определение дано с опорой на работы: Эрвин-Трипп 1975; Москальская 1978; Печке 1978; Пфютце 1978; Слюсарева Теплицкая 1978; Смит Дж. Б. 1980; Метс и др. 1981; Новиков, Чистякова 1981; Аспекты... 1982; Пэн 1987; Ризун 1987; Шендельс 1987].

Для определения темы в речевом материале, в том числе в разговорных диалогах, необходимо выделить тематические слова – лексические единицы. Они имеют связь в смысловом отношении и отражают общий объект, что является основой смысловой структуры текста, так как, утверждает А. И. Новиков, она формируется на основе предметов реального мира, отраженных в сознании [Новиков 1979: 67].

Исследуя разговорный текст как нестандартную структуру, мы будем проходить от анализа всех слов и выражений до выявления основной темы, используя метод тематических сеток, предложенный И. В. Арнольд. «Тематическая сетка – система повторяющихся в тексте значений, выраженных повторами слов, сем, образов или тем» [Арнольд 1974: 18]. После определения основной темы обследованного речевого ряда можно выделить слова, относящиеся к этой теме и обладающие семантической значимостью, а также связанные с другими словами в тексте и встречающиеся в нем чаще всего [Арнольд 1974; Купина 1983; Скирдач 1984]. Анализ и выделение тематических слов в художественном и разговорном тексте проводится по схожим критериям в опоре на эмпирические данные. Таким образом, тематические слова являются наиболее значимыми, часто используемыми, связанными с основной темой текста.

Основными аспектами являются значимость смысла и взаимосвязь между ними. Предполагается, что взаимосвязь тематических слов может проявляться двумя способами: во-первых, это могут быть слова из одной тематической группы, которые связаны параллельно (парадигматически); во-вторых, компоненты словосочетания могут быть синтагматически связаны с

тематически соответствующими словами.

Чтобы определить тематические слова текста, необходимо проанализировать линейную последовательность лексических единиц речевого диалога. На первом этапе исследования мы используем методику И. В. Арнольд, в методике которой «тематической сеткой текста является набор повторяющихся в нем сем, то есть наименьших единиц плана содержания. Наличие общих компонентов в семном составе денотативных значений или в коннотациях разных слов, то есть семантические повторы, обнаруживаются по лексическим связям слов в тексте» [Арнольд 1971: 8].

Нашей задачей является анализ тематической структуры разговорных диалогов. Однако мы не можем использовать в качестве единицы анализа высказывание, диалогическое единство или сложное синтаксическое целое, как это было сделано в ранних работах [Поспелов 1948; Уханов 1966; Реферовская 1974; Ширяев 1975; Черняховская 1976; Серкова 1978; Леонтьев 1979; Скребнев 1985; Зернецкий 1987; Сухих 1987; Николаев 1988]. Мы также не будем рассматривать разговорный диалог с позиций теории актуального членения, как это делали другие исследователи [Сильман 1974; Теплицкая 1974; Николаева 1972; Лаптева 1975; Дресслер 1978; Юганов 1979; Крылова, Красина 1982; Крылова, Матвеева 1990]. Наша цель – определить тематическое единство на основе лексики и семантики. Если мы выделим из текста ряды, в которых слова связаны по смыслу, то получим тематические подсистемы, отражающие разные области реальности [Бухбиндер 1978: 32]. Мы называем такой связанный речевой ряд тематическим фрагментом, который представляет собой законченный фрагмент диалога, отражающий определенную тему на лексическом уровне. Тематический фрагмент является относительно законченным в смысловом отношении фрагментом диалога и имеет основные признаки канонического текста, за исключением самостоятельности.

Речевой диалог состоит из отдельных тематических фрагментов, в каждом из которых есть группа тематических слов и словосочетаний. В

разговорном диалоге группа тематических слов связана с конкретным денотатом и имеет смысловую связь, напоминая функционально-текстовые группы в художественном тексте [Купина 1983: 96 – 104]. Однако группа тематических слов в разговорном диалоге более ориентирована на денотативную, а не на сигнификативную общность.

Наша задача заключается только в анализе разговорной речи с точки зрения использования категории темы. Мы не сосредотачиваемся на описании других текстовых категорий (таких как модальность, локальность, темпоральность и т. д.), как это делалось в работе Т. В Матвеевой [Матвеева 1990].

Анализ лексических связей и значений слов позволяет выделить семантическую основу объединения тематических слов фрагмента. Выделение общей семы проводится на основании анализа лексических значений тематических слов и их лексических связей, причем, как уже указывалось, лексические связи могут иметь парадигматический характер, а могут быть и синтагматическими [Арнольд 1971: 8].

Для того чтобы составить предметно-тематическую последовательность речевого диалога необходимо выделить группы тематических слов, которые помогут различить тематические переходы. Однако, как считает И. Г. Сибирякова, возникает вопрос об определении границ каждого тематического фрагмента. Тематический фрагмент представляет собой минимальную текстовую единицу, где предметная тема остается неизменной. В рамках текстового фрагмента поддерживается предметная тема с помощью как тематических, так и нетематических языковых средств.

Для составления последовательности речевого диалога необходимо выделить группы тематических слов, которые помогут определить переходы между темами. Однако необходимо также определять границы каждого тематического фрагмента, который является минимальной единицей текста с постоянной темой. Внутри фрагмента, помимо тематических слов, может быть использовано множество языковых средств, которые поддерживают тему

Мы, вслед за И. Г. Сибиряковой, считаем, что при анализе речевого диалога, как состоявшегося произведения, существующего независимо от авторов, можно выделить два типа границ между тематическими фрагментами: четкие и размытые [Сибирякова 1996: 60]. Четкая граница, связанная с отнесением фразы к концу или началу тематического фрагмента, может быть результатом близости и понимания между коммуникантами, что уменьшает необходимость обсуждения общих тем. Также четкая граница может быть обусловлена наличием у одного из участников задачи ведущего, которые собеседник просто поддерживает

Нечеткая граница между тематическими фрагментами возникает в случае, когда встречается фраза, которую нельзя однозначно отнести к одному из близлежащих тематических фрагментов. Это может свидетельствовать о недостатке коммуникативного согласия между собеседниками, требовать быстрого поиска новой темы для продолжения разговора. Нечеткая граница может проявляться по-разному, включая использование слов-заполнителей или активный поиск нового тематического участка. Иногда нечеткая граница может превратиться в политематические участки с минимальным количеством тематических фрагментов.

Таким образом, тематический фрагмент является лингвистической единицей с определенной темой, определяемой наличием соответствующих слов. В начале фрагмента указывается инициально-тематическая фраза, которая дополнительно уточняет тему. Границы фрагмента могут быть четко определенными, хотя содержание граничных фраз может быть не только тематическим, а также необходимым для смысловой законченности. Неясные грани могут возникать, когда фраза не связана с явными тематическими рядами, что может привести к неявной смене темы или трактоваться как вклинивание в тему.

Разговорный диалог включает в себя набор тем, которые связаны между собой в соответствии с контекстом. Анализ этих тем и порядка их появления позволяет понять, как развивается диалог в целом.

Разговорный диалог состоит из отдельных тематических фрагментов, которые могут быть рассмотрены как самостоятельные единицы. Однако при анализе всех этих фрагментов можно определить общую последовательность тем, что подтверждает политематичность разговорной речи в целом [Девкин 1979; Ширяев 1982; Земская 1988].

Выводы по главе 1

Изучение языковой личности является многогранным процессом, который включает аспекты языкового, речевого и коммуникативного планов. Термины «языковая личность», «речевая личность», «коммуникативная личность» и «речевой портрет» часто используются для описания разных аспектов языковой личности. Модели языковой личности и коммуникативной личности выбираются на практике и изменяются со временем. «Речевой портрет» является одной из реализаций языковой личности, которая помогает описать особенности речевых предпочтений в определенной ситуации и роли. Множество определений языковой личности приводят к тому, что современные дефиниции базируются на компонентах, введенных Ю. Н. Карауловым.

Разговорная речь занимает особое место в структуре национального языка и представляет собой первичную функциональную разновидность языка. Она охватывает неофициальное личное общение, связанное с повседневной деятельностью и обыденным сознанием человека. Разговорный стиль является формой неформального общения между людьми, отличается от литературного языка своей простотой и естественностью, но имеет свои нормы и стилистические особенности. Он сохраняет связь с народной речью и национальной культурной традицией и требует высокого уровня речевой компетенции и культуры общения. Различие между разговорным функциональным стилем и разговорной речью имеет культурно-специфичный характер. Один из методов исследования речевого портрета в рамках

разговорной речи – семантический анализ, который позволяет выявить индивидуальные черты словарного запаса и употребления слов, как сознательные, так и бессознательные.

Разговорный диалог можно рассматривать как речевое произведение, и его можно изучать с помощью текстового анализа. В данном исследовании мы сосредоточимся на анализе использования категории темы в разговорных диалогах.

Мы считаем, что тематический фрагмент – это лингвистическая единица с определенной темой, которая определяется наличием соответствующих слов. Фрагмент начинается с инициально-тематической фразы, которая уточняет тему. Границы фрагмента могут быть четко определены, и содержание граничных фраз может быть необходимым для смысловой законченности. Неясности могут возникать, когда фразы не связаны с тематическими рядами, что может привести к неявной смене темы или рассматриваться как вклинивание в тему.

Разговорный диалог включает различные темы, связанные друг с другом в соответствии с контекстом. При анализе этих тем и порядка их появления можно понять, как развивается диалог в целом. Хотя диалог состоит из отдельных тематических фрагментов, их анализ позволяет определить общую последовательность тем, что подтверждает многотемность разговорной речи в целом.

Глава 2. Речевой портрет матери: опыт описания

2.1. Лексические средства характеристики речевого портрета

Специфика языковой личности проявляется на всех языковых уровнях. Наша цель конкретизируется: мы анализируем язык матери на вербально-семантическом уровне.

Описание речевого портрета матери на вербально-семантическом уровне предполагает выявление стилевых особенностей конкретной языковой личности.

Рассмотрим лексические средства, зафиксированные в речи коммуниканта. Представим языковой паспорт женщины-матери (далее **М.**). Ей 55 лет, она коренная екатеринбурженка, имеет высшее экономическое образование, по профессии бухгалтер, в настоящее время работает главным бухгалтером.

Разговорная лексика. Разговорная лексика в толковых словарях русского языка снабжена пометой *разг.* «Однако неверно было бы думать, что именно эти слова составляют специфическую особенность разговорной лексики, их употребительность в разговорной речи невелика» [Земская 1979: 25]. Специфика этой лексики – функционирование в непринужденном неофициальном общении. Разговорная лексика не нарушает норм литературной речи, хотя характеризуется сниженностью. Приведем выборку:

1) Коммуникация в семейной, домашней обстановке.

Мать (**М.**) разговаривает с дочерью (**Д.**, 24 года) в домашней обстановке о внучке Рите.

М. Я вчера над Ритой **умирала** // Крем вот валяется // Она вчера такая / О / помада / надо / Раз такая (неразборчиво) Ко мне пришла / накрутила //

Д. Кого? Крем что ли?

М. Нет / губы // Сначала помадой //

Д. А / помадой //

М. Да // Я грю / «Давай Роме еще накрутим» (Рома – внук **М.**) (неразборчиво) (воспроизводит речь внучки, пародируя) Она такая «Не /

*только девушки»// Вот прям дословно!
(смеются)*

*М. «Нет / только девушки красят!» (пауза) Я грю «Понятно» // (пауза)
Похихикала над ней //*

ХИХИКАТЬ, -аю, -аешь; *несов. (разг.)*. Смеяться тихо или исподтишка, со злорадством [Ожегов, Шведова, 2006: 862].

УМИРАТЬ см. **УМЕРЕТЬ**, **УМЕРЕТЬ** см. **СМЕХ**. **Валяться (кататься, подыхать, умирать/умереть) со смеху (от смеха)**. *Разг.* неудержимо смеяться, хохотать до изнеможения [Химик 2004: 568].

Употребление разговорной лексики наряду с общеупотребительной обусловлено тем, что в этой ситуации мать разговаривает с дочерью на бытовую тему. Семейная обстановка и обыденная коммуникация позволяют матери чувствовать непринужденность ситуации.

Мать (**М.**) разговаривает с дочерью (**Д.**) и мужем (**П.**, 60 лет) в домашней обстановке:

Д. У тебя желудок болит?

М. У[h]у //

Д. Отчего?

М. Поем и живот болит //

Д. Кошмар //

П. Потому что не ест ничего / худеет всё //

М. Я? Худею? Мне надо похудеть на двадцать килограмм / как это сделать? (смеется)

ЖИВОТ DEF: желудок и кишечник [Крысин 2014: 553]

Мать говорит слово «живот» в значении «желудок», поскольку она употребляет эти слова, не разграничивая их. У коммуниканта отсутствует контроль над собственной речью, в мать игнорирует понятийную точность.

2) **Коммуникация в рабочей обстановке**

Существуют обстановки общения, различающиеся по характеру взаимоотношений между адресантом и адресатом, их социально-статусным ролям, коммуникативным функциям и установке, месту общения. Традиционно разграничивают официальную и неофициальную обстановки

общения. Однако выделяют не только официальную и неофициальную обстановки общения, но и полуофициальную. Официальная обстановка предполагает деловой разговор, деловую речь. Деловой разговор – это «понимаемый в самом широком смысле устный речевой контакт между людьми, связанными интересами дела, которые имеют необходимые полномочия для установления деловых отношений и решения деловых проблем» [Кузнецов 2008: 160]. «В структуре полуофициальной обстановки можно отметить следующие особенности: менее официальное место и время общения, сохранение предписанной официальности между коммуникантами, изменение тональности и цели общения. Стиль речи и стиль общения в полуофициальной обстановке отличаются дополнительным оттенком сдержанной эмоциональности и оценки» [Капенова 2008: 56].

Ж. Ж. Капенова считает, что разделение типов сфер общения позволило выделить три стиля: официальный, полуофициальный и неофициальный. Официальный стиль характеризуется направленностью на обе стороны коммуникации и использует стилистику официально-деловой речи. Полуофициальный стиль используется в общении между людьми разных профессий, социальных ролей и возрастов в менее формальной обстановке и использует нейтральные или эмоционально-оценочные средства [Капенова 2008: 56].

Рассмотрим общение матери (М.) на работе (в военном комиссариате) с посетителем (П1, примерно 20 лет) и другим работником военного комиссариата (Г. В.):

Г. В. На медкомиссию его не отправляйте / его не возьмут //

М. Не возьмут?

Г. В. Мм //

М. (посетителю) Чё там / народу много? Надо было (пауза) блин / а чё не подошли-то // Ну давайте я напишу // Вдруг возьмут / девчонки там же (пауза) вдруг возьмут / попроситесь! Я / если что / вас приму / если вы пройдете медкомиссию / ко мне сюда поднимитесь / пожалуйста // Давайте быстрее //

НАРОД, -а (-у), м. Шутл. разг. О скоплении людей где-л., о толпе.

[Химик 2004: 358]

ДЕВЧОНКА в 4 знач. DEF: обращение к женщинам любого возраста.

STYL: шутл., фам. [Крысин 2014: 429]

Коммуникация происходит в полуофициальном стиле общения. Мать использует эмоционально-оценочную лексику, при которой в словарях указаны стилистические пометы. Полуофициальный стиль общения обусловлен тем, что мать обращается к коллеге, с которой они по социальному статусу одинаковы, и к посетителю, который младше её по возрасту.

Д. Н. Шмелев пишет: «...помета *разговорное* охватывает широкий спектр стилистических оценок. Слова, сопровождаемые этой пометой, объединены лишь тем, что, как правило, не используются в наиболее замкнутых функциональных стилях, таких, как научный, функционально-деловой, газетно-информативный, однако их распределение между собственно разговорной речью, художественной речью и публицистикой в отдельных случаях не одинаково» [Шмелев 1977: 117].

Мы можем наблюдать, что нередко стилистическая помета *разг.* сопровождается какой-либо оценочно-экспрессивной пометой: *шутл., неодобр., фам.* Таким образом, разговорные слова часто имеют экспрессивный, эмоциональный характер. И, как мы уже говорили выше, являются стилистически сниженными.

Однако, как утверждает О. Л. Рублев, «не вся разговорная лексика эмоционально окрашена, большинство слов эмоциональной окрашенности не имеет» [Рублев 2004: 93].

«Разговорную лексику подразделяют на разговорно-бытовую, разговорно-литературную и разговорно-просторечную, по степени сниженности» [Фомина 2001: 242], однако в словарях принято отмечать разговорную лексику одинаково. Не всегда возможно разграничить разговорную лексику и просторечную, характеризующуюся еще большей сниженностью.

Таким образом, в речи матери используется разговорная лексика вне

зависимости от коммуникативной ситуации. Обстановка и речевые партнеры не обеспечивают кодовые переключения. Это объясняется тенденцией демократизации русского языка, которая направлена как на экономичность речевых усилий выражения смысла, так и на получение дополнительного стилистического эффекта доступности, непосредственности, эмоциональности. Удельный вес разговорной лексики не велик, она вкрапливается в речь, но не составляет большую её часть.

Просторечная лексика. Просторечная лексика в словаре снабжена чаще всего пометой *прост.*, однако в словаре В. В. Химика просторечная лексика снабжена пометой *разг.-сниж.* «Единый подход к системе помет отсутствует, поэтому в разных словарях одно и то же слово может иметь разные пометы. Так, составители «Словаря живого русского языка» предлагают отказаться от традиционной пометы *прост.* (просторечное), но при этом увеличить набор помет, характеризующих «степень разговорности» [Скляревская 1995: 96]. Термин «просторечие» – неоднозначный термин. Ряд исследователей считает, что просторечие – это разновидность русского национального языка, носителем которой является необразованное или полубразованное население [Бельчиков 1990: 97], а есть ученые, которые определяют просторечие как «элементы, свойственные массовой городской разговорной речи» [Солганик 1973: 56].

По мнению Л. П. Крысина, «выделяются два круга носителей современного просторечия: горожане старшего возраста, не имеющие образования (или имеющие начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с территориальным диалектом, и горожане среднего и молодого возраста, имеющие незаконченное среднее образование и не владеющие нормами литературного языка; их речь лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована (просторечие-2). Просторечие-1 отличается специфическими чертами на всех уровнях – фонетическом, морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом» [Крысин 2000: 64]. Нас будет интересовать лексико-семантический уровень.

«В области лексики и лексической семантики характерным является наличие довольно большого числа слов, по форме отличающихся от слов литературного языка: серчать, пушай, шибко, акурат, харич, давеча и под., многих из которых исторически являются диалектизмами. Некоторые слова, по форме совпадающие с литературными, имеют специфическое значение: гулять в значениях ‘праздновать’ и ‘иметь интимные отношения’» [Крысин 2000: 65]. «Просторечие-2 представляет собой разновидность, менее яркую, чем просторечие-1, и менее определенную по набору типичных для нее черт. В области лексики она тесно сближается с общим жаргоном. В социальном отношении совокупность носителей просторечия-2 чрезвычайно разнородна и текуча во времени: здесь и выходцы из сельской местности, приехавшие в город на учебу или на работу и осевшие в городе; и уроженцы небольших городов, находящихся в тесном диалектном окружении; и жители крупных городов, не имеющие среднего образования и занятые физическим трудом; носителей просторечия-2 немало среди представителей таких несхожих профессий, как продавцы, грузчики, портные, парикмахеры, официанты, железнодорожные проводники, сапожники, уборщицы и др. С коммуникативной точки зрения более живо, активно именно просторечие-2, а просторечие-1 постепенно сходит на нет» [Крысин 2000: 66]

«Использование термина «просторечие» считается не очень удобным, поскольку в русской лингвистической традиции рассматриваются две разновидности просторечия. Первая – социальное просторечие, т. е. речевые ошибки малообразованных людей, чаще пожилых, обычно негородского происхождения, тех, кто говорит «как может». Вторая разновидность просторечия, противопоставленная социальной, – функционально-стилистическое просторечие [Сорокин 1949: 29–31], природа которого заключается в сознательном, преднамеренном использовании субстандартных единиц – грубых, вульгарных или непристойных слов для выражения особой экспрессии снижения и упрощения речи, для резко негативной оценки, эпатирования собеседника, для языковой игры и пр.» [Совр. рус. речь:

состояние и функционирование 2004: 15]. Эти слова не входят в литературную норму, хоть и тяготеют к разговорной норме.

Приведет выборку:

Мать (М.) разговаривает с дочерью (Д.) и мужем (П.) в домашней обстановке:

Д. *У тебя желудок болит?*

М. *У[h]у //*

Д. *Отчего?*

М. *Поем и живот болит //*

Д. *Кошмар //*

П. *Потому что не ест ничего / худеет всё //*

М. *Я? Худею? Мне надо похудеть на двадцать килограмм / как это сделать? (смеется) (пауза) **Не жрать** //* (смеется)

ЖРАТЬ, нсв. Груб. неодобр. разг.-сниж. Есть, поглощать пищу.

[Химик, 2004: 189]

В этой же коммуникативной ситуации происходит следующий разговор:

П. *Конфетку?*

Д. *Нет спасибо я не хочу есть //*

П. *Ничё / отравлюсь //*

Д. *Что?*

П. *Ничё / говорю/ отравлюсь //*

Д. *Тебе полезно //*

П. *Да?*

Д. *Работаешь столько //*

П. *Сколько?*

М. *Ни хрена не делает! (с иронией)*

НИ ХРЕНА. Груб. Разг.-сниж. Эвфем. к ни хуя [Химик, 2004: 684].

Коммуникация происходит в домашней, семейной обстановке. Мать использует просторечное слово, осознавая его грубый характер. В первом случае (*Не жрать*) после употребления просторечного слова коммуникант смеется, поскольку этим словом, вероятно, мать хочет выразить самоуничижительное отношение к себе, так как чувствует свое несовершенство, следовательно, коммуникант умышленно употребляет просторечие. Во втором случае мать также употребляет просторечное слово, которое относится к эвфемизму, но употребляет она «ни хрена» с иронией, то

есть коммуникант намеренно выражает экспрессию снижения. Стоит отметить, что коммуникант употребляет эвфемизмы в своей речи: ни гендерный, ни возрастной факторы не повлияли на выбор лексической единицы.

В следующем коммуникативном фрагменте мать (М.) рассказывает про подругу своим двум дочерям (Д. и К.):

М. ... Мы вчера **прикалывались** // Мы вчера тоже **базарили-базарили** / разговаривали три часа / 33 минуты и 3 секунды //

Д. С кем?

М. С Алёнкой // Я ещё сплю / она уже отправляет мне всякие картинки с Владивостока // Пять часов разницы //

Д. Да //

М. А ей делать не **хрен** / она **чё** / риелтором работает / она ж не сидит от и до // Куда-то пошла / **туды-сюды** //

Далее разговор переходит на другую тему:

М. Она никак не понимает // Она с этим седня / Славой // Он мне никто / ваще // // Я его / **блять** / простите меня за выражение / ложь / **пиздеж** и провокацию! В третий раз в жизни вижу! Просто мне иногда по-человечески бывает **мужиков** жалко // Они **ходят** по два-три года за этот **военный билет** и не могут ничего добиться / потому что **тётки** / которые сидят / да / вот на этом месте / не могут поднять **жопу** //

В речевой партии матери используются жаргонно-просторечные слова, имеющие стилистически неободрительную, пренебрежительную окраску: *прикалываться, туды-сюды, мужик, тётка*, а также обценнизмы *блять, пиздеж* и эвфемизмы: *хрен* 2. 'эвфем. к хуй' [Химик 2004: 683]. С одной стороны, мать понимает вульгарный характер этих слов, о чем свидетельствует метарефлексив «Простите меня за выражение». С другой стороны, очевидно, что рефлексия носит формальный характер, выступает как речевой стереотип, коммуникатив, потому что далее следует нецензурное выражение *ложь / пиздеж и провокация*. Отметим просторечные грамматические построения: *прикалывались; Они ходят по два-три года за этот военный билет, с Владивостока*.

Обращает на себя внимание также просторечный фразеологизм *поднять жопу*. В «Словаре криминального и полукриминального мира: мат, сленг, жаргон» под редакцией Я. Мельника дается толкование фразеологизма

«сидеть на попе ровно – находиться в бездействии, не проявлять активной реакции на какие-либо явления» [Мельник: электронный ресурс]. В отталкивании от этого значения можно предположить, что выражение *поднять жопу* обозначает проявление какой-либо активной реакции.

Коммуникация происходит в домашней, семейной обстановке. Мать, рассказывая про свою подругу, использует стилистически неободрительные, пренебрежительные просторечные слова. Вновь возникает эвфемизм в разговоре с дочерьми. Просторечные слова в данной ситуации выражают экспрессию снижения и выражение «туда-сюда» упрощает речь.

В этой же речевой ситуации происходит следующий диалог на тему работы матери:

М. *Она никак не понимает // Она с этим седня / Славой // Она почему-то решила / что он мой родственник или еще кто-то // Я его / блять / простите меня за выражение /*

(перебивает)

Д. *Мама!*

М. *(договаривает) ложь / пиздеж и провокацию! В третий раз в жизни вижу!*

(пауза)

М. *Он мне никто / вообще // Просто мне иногда по-человечески бывает мужиков жалко // Они ходят по два-три года за этот военный билет и не могут ничего добиться / потому что **тётки** / которые сидят / да / вот на этом месте //*

Д. *У[h]у //*

М. *Они просто не хотели **поднять жопу** / извините меня за выражение //*

МУЖИК, -а, м. 1. *Разг.-сниж.* Взрослый мужчина [Химик, 2004: 335]

ТЁТКА, -и, ж. *(Пренебр.) разг.-сниж.* О простой, обыкновенной женщине средних лет [Химик, 2004: 607].

Коммуникация также происходит в домашней, семейной обстановке с дочерьми. Нецензурное слово «блять» не заменяется эвфемизмом, однако после идет высказывание: «*Простите меня за выражение*». Иными словами мать поняла вульгарность слова, и сигналом к этому является метаязыковое высказывание. Далее она вновь употребляет обсценную лексику во фразе: «*Простите за выражение (Д. перебивает) ложь,*

пиздеж и провокацию». Вероятно, коммуникант и понимает нецензурность фраз, но продолжает их употреблять. Вероятно, это происходит из-за характера разговора: мать негодует по поводу ситуации, которая сложилась на работе. Затем коммуникант употребляет просторечное слово «мужик», которое не несет за собой оценочно-экспрессивной пометы, и слово «тётка», которое является пренебрежительным описанием женщин.

Здесь мы фиксируем просторечный фразеологизм *поднять жопу*. Объяснение данного фразеологизма мы не нашли в словарях, поэтому попытаемся определить значение самостоятельно. В «Словаре криминального и полукриминального мира: мат, сленг, жаргон» под редакцией Я. Мельника дается толкование фразеологизма «*сидеть на попе ровно* – находиться в бездействии, не проявлять активной реакции на какие-либо явления» [Мельник: эл.ресурс]. Следовательно, мы можем сделать вывод, что выражение *поднять жопу* обозначает начало проявления какой-либо активной реакции. Данный фразеологизм имеет сниженный характер, и сигналом к тому, что коммуникант понимает сниженность высказывания, становится метаязыковое высказывание *извините*.

И в этом же коммуникативном фрагменте далее:

М. Да / я всё написала / даже одной позвонила мамашке / она всё-таки взяла трубку / я посмотрела / что она... сёдня такая тётка / кстати / приходила // Я забыла фамилию // Она в ГУФСИНе работала // Взрослая тетка / подполковник она // На «рэ» у нее фамилия // Начальником каким-то // Ну у них / видимо / крепко / крепко их это //

Мамашка в словаре не зафиксировано

МАМАША, -и, ж. Простонар. В 1 знач. Мать, МАМАНЯ (иногда иронически) [Химик 2004: 307]

«Мамашка» не имеет оценочно-экспрессивной пометы.

Мы можем наблюдать в речи матери просторечные глаголы на -ся, употребление которых характерно и для носителей диалектов. Приведем примеры:

М. разговаривает с внучкой Р. в домашней обстановке:

Р. Я по телевизору это смотрела (более разборчиво) / Я по телевизору это смотрела //

М. По телевизору это смотрела? Молодец / научилась!

М. разговаривает с дочерьми Д. и К. в домашней обстановке:

М. Мне сегодня сказали / что я не фотогеничная / между прочим // Просто я услышала / они такие / ну / как бы я подошла не вовремя / им уже пришлось как бы договорить //

Д. У[h]у / а что они сказали?

*М. Что / типа того что / что я в жизни очень яркая / как бы / вообще в жизни / а на фотографиях хуже **получаюся** //*

В той же коммуникативной ситуации:

*М. Как? Недавно болела // Мы вчера **прикалывались** // Мы вчера тоже базарили-базарили / разговаривали три часа / 33 минуты и 3 секунды //*

Д. С кем?

М. С Алёнкой // Я ещё сплю / она уже отправляет мне всякие картинки с Владивостока // Пять часов разницы //

В той же коммуникативной ситуации:

*М. В общем отстой (про магазин) // А / кстати / Мухе-то варить поставить? Ты достань // Кстати / **выстиралася** / дай свою курточку //*

Вернемся к эвфемизмам, которые встречаются в речи матери. «Эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [Ларин 1961: 111]. Л. П. Крысин в статье «Эвфемизмы в современной русской речи» пишет: «Одним из проявлений свободы слова, наступившей на рубеже 80–90-х гг., стало снятие запрета на употребление обсценной лексики как в художественных и полухудожественных текстах, так и в различных жанрах обиходно-бытовой и публичной речи.

Показательным также является стирание гендерных различий между говорящими в использовании подобной лексики: грубые выражения и слова, включая матерные (преимущественно в их экспрессивной, а не номинативной функции), употребляются и мужчинами, и женщинами. При этом социальные ограничения здесь не очень существенны: такое словоупотребление, по нашим

наблюдениям, характерно не только для рабочей среды (где оно издавна является постоянным атрибутом речевого поведения личности), но и, например, для актерской, писательской, журналистской» [Крысин, 1994: 28].

Просторечная лексика, которую употребляет мать, имеет экспрессивный характер, грубый, вульгарный оттенок, то есть относится к функционально-стилистическому просторечию, а не к социальному. При употреблении просторечий, которые относятся к эвфемизмам и ненормативной лексики говорящий осознает сниженный характер высказываний, поэтому появляются рефлексивы *извините, простите*. В некоторых случаях при употреблении просторечной лексики мать делает упор на эмоции, а в других – не следит за своей речью: ярким примером являются просторечные слова на «-ся», которые характерны для носителей диалектов.

Жаргонная лексика. Жаргонная лексика в словаре снабжена пометой *жарг.*

Жаргон – «полуоткрытая лексико-фразеологическая подсистема, применяемая той или иной социальной группой с целью обособления от остальной части языкового сообщества» [Совр. рус. речь: состояние и функционирование 2004: 23].

«В лексике разговорной речи в качестве экспрессивных вкраплений, своего рода выразительных инкрустаций используются различного рода внелитературные слова жаргонного характера. Наиболее употребительны они в речи молодежи, но встречаются и у лиц старшего поколения. Слова такого рода отличаются высокой экспрессивностью, окраской фамильярности и сниженности» [Земская 1979: 28].

«Исследователь жаргона в процессе работы неизбежно сталкивается с двумя обстоятельствами.

Во-первых, при всей его (жаргона) сниженности, грубости и т.п., он – чрезвычайно "деликатная" материя. Жаргон как-то патологически не любит четкости, ясности формулировок. Здесь царят семантические полутона, тени, абберрации.

Второе обстоятельство. В этом совершенно неясном, загадочном, запутанном предмете разбираются решительно все, от бомжа до премьер-министра, который храбро пообещал нам всех нехороших людей «мочить в сортире». У всех есть свое мнение, и все его высказывают. Все – эксперты, потому что жаргон окружает нас, как воздух. И «каждый слышит, как он дышит», а «как он дышит, так и пишет». [Елистратов 2000]

Особый интерес для нас представляет интержаргонная лексика. Интержаргон, интержаргонная лексика – «это переименовывающиеся общие части бытового (и отчасти профессионального) словаря разных жаргонных формаций» [Скворцов 1966: 10; Грачев 1997:16]. Единицы интержаргона с течением времени либо выходят из употребления, либо перемещаются в просторечное употребление. Так называемые «промежуточные» обозначения (интержаргон, интержаргонная лексика, жаргонизированная лексика) призваны подчеркнуть «широкий круг носителей, гибкость и изменчивость языка социально-возрастной группы, а также его тенденцию к заимствованию слов из различных жаргонов» [Бабина 2002].

Выделяется молодежный интержаргон. «Молодежный интержаргон – совокупность ненормативных единиц, выходящих за пределы корпоративного употребления, обладающих относительной устойчивостью и имеющих тенденцию к расширению сферы употребления и переходу в массовое просторечие» [Богданов 1990: 44].

Приведем выборку.

Вернемся к коммуникативному фрагменту, в котором мать (М.) разговаривает о работе со своими двумя дочерьми (Д., 19 лет и К., 31 год) в домашней обстановке:

М. Да / я всё написала / даже одной позвонила мамашке / она всё-таки взяла трубку / я посмотрела / что она... сёдня такая тётка / кстати / приходила // Я забыла фамилию // Она в ГУФСИНе работала // Взрослая тетка / подполковник она // На «рэ» у нее фамилия // Начальником каким-то // Ну у них / видимо / крепко / крепко их это //

К. Всех убрали практически //

М. Убрали //

К. Все на пенсию пошли //
П. Да / крепко //
М. Ну нет / она не совсем взрослая // Там ей лет 30 / 30 с чем-то / три
что ли / тридцать восемь // Ну она скорее всего на пенсии //
К. В смысле //
П. Чечня или еще чё-нибудь //
М. Да не / она только ГУФСИН //
К. Ну 37 лет / какая Чечня // Нет // Там по выслуге если с институтом /
то пенсию дали / минималку //
М. ГУФСИНовская тётенька // Она вчера такая с такими какими-то
понтами // Хоть ты где работай //

В данном примере употреблен жаргонизм, функционирующий в уголовном жаргоне.

ПОНТ, -а, м. *Жарг.* в 1-м знач. Вызывающее поведение, бравада, шутка.
[Химик, 2004: 469]

Коммуникант знает это слово, поскольку близкий родственник М. находился в тюрьме.

Примечательным является то, что просторечное слово «тётенька», которое имеет пренебрежительную окраску, усиливается жаргонным словом «понт». Таким образом, становится очевидна экспрессивность речь. Употребление жаргонного слова не контролируется.

В этой же коммуникативной ситуации происходит следующий диалог:

К. Где покупали (сок)?
М. В «Окее» // В «Дирижабле» открыли / но туда лучше не ездить / наши
лучше //
Д. Там как-то всё вразнобой / стоит непонятно / народу много //
М. В общем **отстой** // А / кстати / Мухе-то варить поставить? Ты
достань // Кстати / выстиралось / дай свою курточку //

ОТСТОЙ, -я, м. *Жарг.* Неприятная ситуация, неудача; нечто абсолютно неприемлемое, совершенно негодное [Химик 2004: 319].

Слово «отстой» относится к молодежному интержаргону. Отбор этой лексической единицы может быть обусловлен как и несознательным употреблением, так и стремлением к взаимопониманию с младшей дочерью Д.

Далее в этом диалоге:

М. Причём они почему-то все у нас стали у кабинета тусовать / все взрослые тётки // Ну всё равно они лет на шесть / как бы / меня старше // На пять / на шесть // Они все тут начали //

«Тусовать» в словаре не зафиксировано.

ТУСОВАТЬСЯ, нсв. Жарг. В 1-м знач. Собираться группами по интересам для общения, встречаться для бесцельного времяпрепровождения. [Химик 2004: 623]

Слово «тусоваться» также относится к молодежному интержаргону. Как и в предыдущем случае, отбор этой лексической единицы может быть обусловлен как и несознательным употреблением, так и стремлением к взаимопониманию с младшей дочерью Д.

Вновь в этой коммуникативной ситуации:

М. Как? Недавно болела // Мы вчера прикалывались (про подругу) // Мы вчера тоже базарили-базарили / разговаривали три часа / 33 минуты и 3 секунды //

Д. С кем?

М. С Алёнкой // Я ещё сплю / она уже отправляет мне всякие картинки с Владивостока // Пять часов разницы //

БАЗАРИТЬ, нсв. Жарг. Во 2-м знач. Говорить, разговаривать, шумно обсуждать что-л., спорить. [Химик 2004 : 32]

Слово «базарить» относится к молодежному интержаргону. И вновь отбор этой лексической единицы может быть обусловлен как и несознательным употреблением, так и стремлением к взаимопониманию с младшей дочерью Д.

«У жаргонизма практически всегда имеется семантическая параллель в литературном языке (ср. базарить – болтать). Употребляя жаргонное слово, говорящий манифестирует либо имитирует свою принадлежность к определенной социальной группе и выражает отношение к окружающему – к объектам или партнерам по речи – с позиции этой социальной группы» [Богданов 2004: 23].

Несмотря на возраст матери, она часто использует слова из молодежного

интержаргона в своей речи. Очевидно, это обусловлено интержаргонным характером подобных слов, частотностью их употребления в речи носителей национальной русской культуры – наших современников.

Таким образом, мать активно использует молодежный интержаргон и просторечную лексику, с наименьшей частотностью встречается разговорная лексика. Разговорная лексика употребляется независимо от обстановки, адресата и характера коммуникации. Это характерно для культурно-речевой ситуации нашего времени, поскольку язык имеет тенденцию к демократизации.

2.2. Общее предметно-тематическое структурирование разговорного диалога

Наша задача заключается в изучении тематической структуры разговорных диалогов, поскольку анализ тематических фрагментов речевого диалога может помочь создать более полный и точный речевой портрет матери. Мы сосредоточены на определении тематического единства на основе лексико-семантических зависимостей между словами. Мы выделяем тематические фрагменты, которые представляют собой отрезки диалога, связанные лексико-семантическим единством и отражающие одну предметную тему.

Выделим, подчеркнув, тематические слова в разговорном диалоге. Нумерацией и пунктирными линиями обозначены границы фрагментов диалога, на протяжении которых эмпирически ощущается единство предметной темы.

Обратимся к первому диалогу между матерью (М.) и дочерью (Д.). М. и Д. в магазине.

1-----

М. А чё / тебе же этих кукол тоже покупали / каких только не было //
Д. Покупали // Тогда правда цены были другие // Хотя соразмерно всё //
М. Да не соразмерно // Также дорого были //

Д. Ну да //

М. И ни чё / ты тоже / блин //

Д. Я ничего не говорю //

М. Игрушки вообще очень дорогие //

Д. Да //

2-----

М. Как тебе моя хрень?

Д. Прикольно // Хорошая // Это которая? Откуда?

М. Да это из Китая куртка // Стоит две тысячи рублей/ что ли//

Д. Холодно/ наверное / в ней?

М. Нет / наоборот // Она застегивается / теплая //

3-----

М. Слушай / два косаря куколка // Вообще ни о чем //

Д. Вообще ни о чем //

М. Вообще ни о чем //

4-----

М. У меня ребенок (внучка М.) весь грязный сёдня // Я сёдня ее забрала абсолютно грязной // Представляешь? Не знаю прямо //

Д. А почему одежда грязная?

М. Да // Шапка просто грязная //

5-----

А чё вот таких-то нет колготок маленьких?

Д. Ну нету // 10-11 лет они есть //

М. Наверное// Интересно / Ритке (внучка М.) / наверное / их хватит //

Д. Ну я не знаю //

6-----

М. Я сёдня что ли всю одежку выстираю //

Д. В смысле? А // Чтоб на завтра //

7-----

Д. Пойдём // Нашла / всё-таки такие колготки?

М. Я не такие нашла //

Д. Не такие?

М. Вот такие ей хорошо будет//

Д. Мне тоже кажется колготки хорошо будут//

М. Вот такие мне кажется лучше// Не знаю/ белые надо нет//

Д. Мне кажется нет/ белые быстро застираются //

М. Есть вот такие вот // Вот такие//

8-----

Я вот не знаю/ меня прямо бесит вот это всё грязное//

9-----

Ксюша такая/ она ведь со мной вчера разговаривала!

Д. Ксюша? Разговаривала?

М. Да!

Д. А чего / она приезжала вчера?

М. Нет / не приезжала / она вчера позвонила//
Д. Понятно//
Д. И чё она звонила?
М. Ну не знаю// Она как бы абсолютно нормально позвонила / всё как бы это //
Д. Соскучилась по маме всё-таки?
М. Ну видать да // Ты знаешь / я / насколько поняла / что она соскучилась//
10-----
М. Только вот такие белые //
Д. Ну бери белые //
11-----
М. Мне надо завтра ее одеть во что-то//

Извлечение тематических слов для разговора проблематично, поскольку неясно, какая тема является общей для диалога. Уже в начале данного разговорного диалога не было определенной предметной темы. В этом случае мы можем наблюдать явление, которое, по словам Е. А. Земской, называется «свободным тематическим развитием» [Земская 1988: 25–26]. Оно проявляется в разнообразных вариантах тематического развития, которые часто основаны на ассоциациях [там же]. Изменение темы разговора (смена затекстового денотата) не случайно с точки зрения содержания разговора. Как отмечал В. Г. Гак, это связано с тем, что речевое высказывание всегда опирается на фоновые знания говорящих, стратегию диалога и общие законы мышления [Гак 1982, 15–16].

Если мы проанализируем связи между тематическими словами данного диалога статически, то можно обнаружить различные изменения в содержании темы. Однако несмотря на отсутствие явно выраженной темы диалога, можно выделить фрагменты, где определенная конкретная тема сохраняется на протяжении разговора. Это речевой диалог содержит 11 участков с таким содержанием. Участки, которые относятся к одной и той же теме в разговоре, будем называть тематическими фрагментами.

В нашем речевом диалоге сначала речь идет о *игрушках* (1), затем тема разговора изменяется на *покупку куртки* (2), потом *игрушки* (3). Далее в разговоре обсуждается *одежда внучки М.* (4), после чего диалог вновь

возвращается к *покупке колготок* (5), к *грязной одежде внучки* (6), *колготкам* (7), *грязной одежде* (8). Затем М. говорит про свою старшую дочь – *Ксюшу* (9). Темой диалога снова становятся *колготки* (10), *внучка* (11). Таким образом, для выделения тематических фрагментов в речевом диалоге используются предварительно выбранные тематические слова и проводится эмпирическая проверка данных.

Можем сделать вывод, что первоначально рассмотренный диалог не является единым по предметной теме, а состоит из нескольких тематических фрагментов. Каждый фрагмент существует как самостоятельное предметно-тематическое единство. Однако каждый фрагмент связан с конкретным денотатом, который может быть ассоциирован с другими денотатами. Это свидетельствует о сложной тематической структуре разговорного диалога.

Более детально рассмотрим, из каких лексических групп состоит конкретный фрагмент. Они включают в себя слова различных частей речи и словосочетания, причем некоторые из них повторяются несколько раз в разных репликах.

Так, группа тематических слов фрагмента 1 представлена следующими тематическими словами и словосочетаниями (в скобках обозначено количество повторов): *кукол* (1), *покупали* (2), *цены* (1), *дорого* (1), *дорогие* (1), *игрушки* (1), *каких* (1).

Чтобы подтвердить соответствие выделенного тематического фрагмента и отдельных слов этой тематики, необходимо доказать их смысловую связь. Для этого используется метод компонентного анализа, который позволяет лингвистически обосновать правильность выделения тематических слов.

В приведенном фрагменте используются слова, которые составляют группу тематической лексики, включая полнзначные слова. Кроме того, в группу тематической лексики включается субститут – падежная местоименная форма (*каких*). «Для субституции особенно характерна замена знаменательных слов местоимениями и функционально примыкающими к ним единицами ... Вместо одного слова с более определенной семантикой

ставится более отвлеченное слово с указательной семантикой» [Девкин: 1981 32]. Появление в разговорном диалоге субститутов объясняется одним из обязательных условий функционирования разговорной речи – непосредственностью общения – «непосредственность общения обуславливает замену полных слов дейктическими элементами, не говоря уже об участии в речи внеязыковых средств» [Шмелев 1977: 144].

Также мы можем обратить внимание на свободные синтаксические позиции («*Тоже дорого <0>/ были*», *здесь <0> = «куклы»* или «*Покупали <0>/»,* *здесь также <0> = «куклы»*), которые выражают явление репрезентации, «когда какая-нибудь... словоформа оказывается представителем не называемого в высказывании слова, но подсказанного контекстом предшествующей реплики» [там же]. Репрезентация отражает тенденцию к неявной номинации в разговорной речи [Китайгородская 1988: 182].

Далее в определениях слов, связанных по тематическому признаку, подчеркнуты элементы, которые указывают на связь между данными словами. *Цена* – «1. Стоимость какого-л. товара, выраженная в денежных единицах» [МАС 1984: 56]. *Купить* – «1. Приобрести за деньги» [МАС 1983: 62]. *Дорого* – «1. Нареч. к дорогой (в 1 знач.); по высокой цене, за высокую цену» [МАС 1981: 324]. *Игрушка* – «1. Вещь, служащая детям для игры» [МАС 1984: 194]. *Кукла* – «1. Детская игрушка в виде фигурки человека» [МАС 1983: 59].

Тематические слова из текста связаны между собой по теме покупки товаров, а именно игрушек (кукол). Тема денег актуализируется посредством тематических слов *цены, дорого, покупать, игрушки*. Эти ключевые слова образуют логическую цепочку. Они связаны таким образом: для покупки игрушки необходимо знать ее цену, а чтобы купить ее, нужно иметь достаточную сумму денег. Мать переживает о дороговизне игрушек, использует прямую утилитарную оценку *дорого*, выраженную оценочным наречием.

Изучение значений слов, которые мы включили в категорию тематической лексики, подтверждает наше предположение о том, что их можно справедливо отнести к данной тематике.

В этом фрагменте тематическую лексику можно разделить на две группы: предметную и характеризующую темы. Предметный тематический ряд данного фрагмента представлен номинативными единицами, а также субститутами: *кукол (каких), игрушки, цены*. В то же время, характеризующий ряд включает в себя предикативно-характеризующий элемент – *покупали*, обстоятельственно-характеризующий – *дорого*, определительный – *дорогие*.

Анализ значения слов в группе тематической лексики и их использование во всем фрагменте позволяет определить предметную тему. Однако некоторые тематические слова могут иметь большую значимость и употребляться чаще, чем другие. В этой группе лексики могут быть повторяющиеся слова и те, которые используются только раз.

Мы, используя методику И. Г. Сибиряковой, отсортируем слова, связанные с определенной тематикой, в порядке употребления их в тексте, учитывая частоту повторений, включая местоимения и нулевые номинации, а также учитывая, используется ли первое или второе значение многозначного слова в тексте (цифры второго столбика – номера лексических значений соответствующих слов) [Сибирякова, 1996].

<i>Куклы</i>	4	1
<i>Покупать</i>	2	1
<i>Цены</i>	1	1
<i>Дорого</i>	2	1
<i>Игрушки</i>	1	1

Стоит уточнить, что мы посчитали правомерным объединить местоимение *каких* с лексемой *игрушки*. Кроме того, возможно считать употребление однокоренных лексем *дорого* и *дорогие* смысловым повтором. Также стоит упомянуть, что мы наблюдали случаи, когда номинации не

указаны явно, а выводятся из контекста («Тоже дорого <0>/ были», где <0> может означать «куклы» или «Покупали <0>/»), где <0> также может относиться к «куклам»).

Данный ряд тематических слов выглядит короче, если учесть результаты компонентного анализа лексических значений тематических слов: куклы -----> игрушки; цена -----> дорого -----> покупать;

<i>Игрушки</i>	6	1
<i>Покупать</i>	5	1

Глагол *покупать* и существительное *игрушки* занимают главное место в тематическом ряду благодаря их частотности и прямому значению с небольшим количеством дифференциальных сем. Для определения предметной темы мы обращаемся к глагольному предикату и конкретизируем его лексическое значение с помощью других тематических слов. С учетом всех лексических значений мы выделяем предметную тему фрагмента как «покупку игрушки». Эта тема представляет собой свертку денотатной структуры, которая содержит в себе все содержание текста [Аспекты общей и частной лингвистической теории текста 1982: 20–21].

В речевом диалоге данный тематический фрагмент повторяется под цифрой 3, поскольку тема покупок игрушек раскрывается через следующие тематические лексемы: *куколка, два косаря*.

КОСАРЬ, -я, м. Жарг. тысяча денежных единиц (рублей, долларов и т. п.). [Химик 2004: 410].

Анализ появившегося в выделенном тематическом фрагменте жаргонного слова *косарь* подтверждает, что тематический фрагмент 3 продолжает тематический фрагмент 1, поскольку их объединяет тематическое единство – «Покупка игрушек».

Проведем проверку следующего тематического фрагмента в соответствии с предложенным методом.

Смена темы осуществляется матерью намеренно, так как она чувствует коммуникативное напряжение, вызванное бытовым разногласием, что способствует гармонизации общения.

В данном фрагменте выделяются слова, связанные между собой по смыслу и грамматике, а также субституты и нулевые номинации, которые образуют тематические ряды и характеризуют темы фрагмента.

Предметный тематический ряд представлен словами: *хрень (1), это (2), которая (1), куртка (1) стоит (1) в ней (2), она (1)*. Характеризующий тематический ряд слов фрагмента состоит из следующих лексем: *хорошая (1), стоит (1), застегивается (1) теплая (1)*.

Проанализируем значения тематических слов, чтобы подтвердить правильность выделения их как тематических. Лексема *хрень* выступает в качестве номинации вещи. В Универсальном дополнительном практическом толковом словаре И. Мостицкого зафиксировано: *хрень* – шутол., что-либо, какая-нибудь вещь [Мостицкий эл.ресурс]. *Хороший* – «1. Обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению» [МАС 1984: 188]. *Куртка* – «1. Короткая, наглухо застегивающаяся верхняя одежда» [МАС 1983: 92]. *Стоит* – «1. Иметь ту или иную цену, денежную стоимость» [МАС 1984: 18]. *Застёгиваться* – «к застегнуть 1. Соединить края одежды, обуви и т. п. при помощи пуговиц, продеваемых в петли, при помощи крючков, застежек и т. п.» [МАС 1981: 568]. *Теплый* – «2. Хорошо защищающий тело от холода» [МАС 1984: 356].

Отберем слова, формирующие группу тематической лексики фрагмента, и упорядочим их в соответствии с употреблением в тексте, с учетом частотности повторений, включая местоимения и нулевые номинации. Кроме того, учтем, какое значение многозначного слова используется в тексте – первое или второе.

<i>Куртка</i>	6	1
<i>Хорошая</i>	1	1

<i>Теплая</i>	1	2
<i>Стоит</i>	1	1
<i>Застегиваться</i>	1	1

Анализ значений слов помогает упростить последовательность, потому что слова *хорошая* и *теплая* являются синонимами в данном контексте. Мы можем объединить их употребление.

<i>Куртка</i>	6	1
<i>Теплая</i>	2	2
<i>Стоит</i>	1	1
<i>Застегиваться</i>	1	1

В данном тематическом фрагменте можно выделить связь тематических слов в области одежды и тепла. Лексемы *хрень*, *куртка*, *застёгиваться*, *теплый* относятся к одежде и защите от холода, тогда как слово *стоит* связывает все вышеперечисленные слова с ценой на одежду. В целом данный тематический фрагмент может носить следующее название – «Теплая куртка».

Для нашего исследования уместно упомянуть про стилистику лексики. Мать употребляет просторечное слово *хрень*, осознавая его грубый характер, но не стесняется дочери. Смысловой оттенок пренебрежительности вносит также модальная частица *да*. Согласно лингвистическим исследованиям, женщины более склонны к нормативности речи, чем мужчины. Объяснение этому находится в том, что женщины своим речевым поведением влияют на детей, их воспитание, вследствие чего стремятся говорить более или менее правильно [Попова 2007: 42–43]. Мать использует в разговоре с дочерью стилистически сниженные слова, в том числе вульгарные, бранные и даже нецензурные.

Разберем следующий тематический фрагмент (под цифрой 4).

Слова, из которых состоит фрагмент, относятся к одной тематической группе лексики: *ребенок* (2), *грязный* (4), *сегодня* (2), *одежда* (1), *шапка* (1).

Субститут *её* мы можем отнести к слову *ребенок*.

Проанализируем значения слов. *Ребенок* – «1. Маленький мальчик или маленькая девочка» [МАС 1984: 262]. *Грязный* – «2. Запачканный, нечистый» [МАС 1981: 322]. *Одежда* – «1. Совокупность предметов (из ткани, меха и т. п.), которыми покрывают, одевают тело» [МАС 1984: 148]. *Шапка* – «1. Головной убор, преимущественно теплый, мягкий» [МАС 1984: 598].

Особняком в ряду тематических слов фрагмента стоит слово *сегодня*. *Сегодня* – «1. В текущий день; в настоящее время, теперь» [МАС 1984: 68]. Это слово необходимо включить в группу тематической лексики, чтобы создать темпоральное поле. Это обеспечит правильное понимание временной связи между тематическим фрагментом и всеми высказываниями в диалоге.

Важно уточнить, что наша задача заключается только в анализе разговорной речи с точки зрения использования категории темы. Мы не сосредотачиваемся на описании других текстовых категорий (таких как модальность, локальность, темпоральность и т. д.), как это делалось в работе Т. В. Матвеевой [Матвеева 1990].

Так, в данном тематическом фрагменте женщина сообщает о состоянии внучки на сегодняшний день – её грязной одежде.

Тематически с фрагментом под номером 4 мы можем объединить фрагменты 6, 8, 11, поскольку данные фрагменты через повторяющиеся лексемы продолжают тему грязной одежды ребенка. Таким образом, тематический фрагмент с точки зрения лексики выглядит следующим образом: *ребенок (3), грязный (5), сегодня (3), одежда (3), завтра (2), выстираю (1), одеть (1)*. Лексемы *одежда* и *шапка* будут являться контекстными синонимами.

Выделим значения ранее не обозначенных лексем. *Выстирать* – «стирая, отмыть, сделать чистым» [МАС 1981: 283]. *Завтра* – «1. На следующий день после сегодняшнего» [МАС 1981: 501]. *Одеть* – «2. Снабдить, обеспечить одеждой» [МАС 1984: 52].

Тематический фрагмент грязной одежды ребёнка на сегодняшний день имеет развитие. М. планирует свои действия на сегодняшний день (*выстирать, одеть*), свидетельствующие о намерении обеспечить оптимальное физическое и психическое состояние внучки в будущий день (*завтра*).

Отсортируем слова из фрагмента по тематической лексике и частотности их употребления в тексте.

<i>Ребенок</i>	3	1
<i>Грязный</i>	5	2
<i>Сегодня</i>	3	1
<i>Одежда</i>	3	1
<i>Завтра</i>	2	1
<i>Выстирать</i>	1	1
<i>Одеть</i>	1	1

Но обозначение темы данного фрагмента не может считаться окончательным, так как содержание тематического фрагмента с предметной темой «грязная одежда ребёнка» сопровождается еще одним смысловым компонентом, который можно определить как «незнание, неуверенность, сомнение, выбор» (в тексте содержится в начальной фразе: *«У меня ребенок весь грязный сёдня // Я сёдня ее забрала абсолютно грязной // Представляешь? Не знаю прям // в тексте словами: не знаю, что ли*). С учетом их смыслов определяем тему этих фрагментов: «Что делать, если ребёнок грязный?».

Для определения темы в тематическом контексте (не связанным с денотатом) было необходимо учитывать субъективный и модальный компонент, выражаемый лексемами типа «не знаю, что ли». Хотя лексемы, выражающие модальность, не входят в тематические ряды, они должны быть учтены при формулировании темы, так как субъективно-модальный компонент влияет на точку зрения говорящих по поводу объекта обсуждения,

как в данном случае. Такой модальный компонент можно найти и в других фрагментах данного диалога.

Вероятно, выделение модального компонента связано с различием между информативным и фатическим общением участников [Винокур, 1993]. Кроме того, в разговорных диалогах модальный компонент может использоваться для выражения целостности текста [Купина, 1993], но это не относится к нашим задачам, поэтому вопрос о модальном компоненте в разговорных диалогах остается второстепенным.

В следующем тематическом фрагменте рассмотрим следующие слова: *колготки* (3), *маленькие* (1), *Ритка* (1), *хватит* (1). Для наименования лексемы колготки было решено справедливым унифицировать указанное слово с субститутами они, их.

В определениях слов включены элементы, связывающие их по тематическому признаку: *колготки* – «чулки, соединенные со штанами» [МАС 1983: 78]. *Маленький* – «1. Незначительный по величине, размерам» [МАС 1983: 113]. *Хватит* – «10. Несов. хватать. Быть достаточным для кого-, чего-л.» [МАС 1984: 384].

При рассмотрении всего речевого диалога мы можем обнаружить, что тематический фрагмент 5 можно связать с другими тематическими фрагментами – 7, 10 поскольку они имеют сходную тематику.

Необходимо обратить внимание на значения слов из тематических фрагментов под номерами 7, 10: *нашла* (1), *такие* (8), *хорошо* (1), *лучше* (1), *белые* (4), *застираются* (1). *Найти* – 1. В результате поисков обнаружить; отыскать [МАС 1983: 154]. *Такой* – 1. Употребляется как отвлеченное обозначение качества, свойства, называемого, указываемого в предшествующей или последующей речи или устанавливаемого из каких-л. обстоятельств, ситуации [МАС 1984: 300]. *Хорошо* – нареч. к хороший 1. Обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению. *Лучше* – 1. Сравн. ст. к прил. хороший и к нареч. хорошо [МАС 1983: 82]. *Белые* – 1. Цвета снега, молока, мела [МАС

1981: 122]. *Застираются* – 2. Лишить свежести, испортить плохой или многократно повторяющейся стиркой [МАС 1981: 322].

Для правильного выделения повторов необходимо вычленить нулевую номинацию: *Ну бери белые <0>//*, здесь <0> – *колготки*.

Мы отсортируем слова из этого фрагмента по их частоте употребления в тексте и тематической лексике, обозначив дополнительно, что с учетом исследования смысла лексем *хорошо* и *лучше*, эти слова являются в нашем случае смысловыми повторами.

<i>Колготки</i>	4	1
<i>Маленькие</i>	1	1
<i>Ритка</i>	1	
<i>Хватит</i>	1	10
<i>Найти</i>	1	1
<i>Такие</i>	8	1
<i>Хорошо</i>	1	1
<i>Белые</i>	4	1
<i>Застираются</i>	1	2

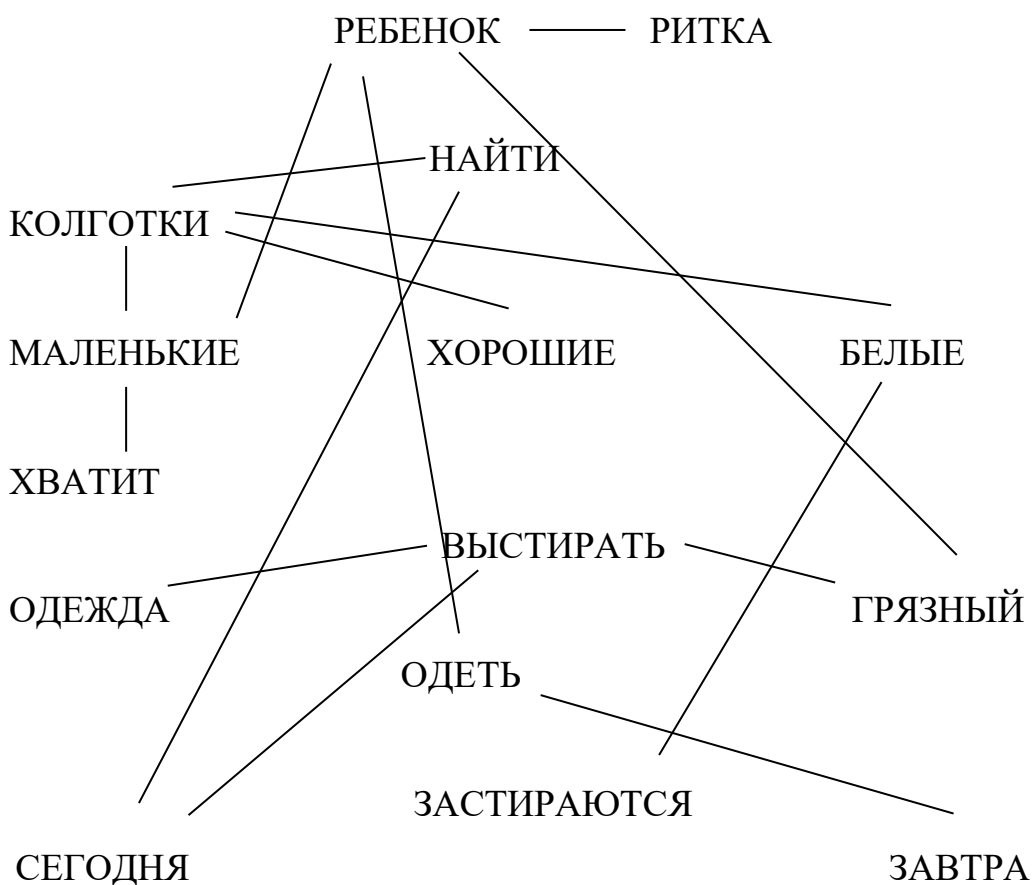
В данном фрагменте наблюдается обсуждение покупки колготок. Лингвистический анализ показывает, что диалог основан на выражении мнения каждой из участниц о том, какие колготки следует купить. Встречается многократный повтор слова *такие*. Использование повторов является стилистическим приёмом, который усиливает выраженность мысли и привлекает внимание к ключевым моментам. Фразы содержат слова *лучше*, *хорошо*, *застираются*, что указывает на фокус на поиске оптимального варианта.

Диалог, который мы исследуем, относится к модально ориентированным диалогам [Балаяна, 1971], в которой мы разделяем диалог-полемику (различные модальные установки у коммуникантов) и диалог-унисон (одинаковые модальные установки у коммуникантов). Анализ данного

тематического фрагмента позволяет нам уточнить типологию модально ориентированного диалога, используемым в фатическом речевом поведении, с учетом конкретной коммуникативной задачи (интенции) общающихся. Мы предполагаем, что модальный элемент в рассмотренном фрагменте можно охарактеризовать как предметно-модальный, отражающий отношение коммуниканта к теме фрагмента. Обилие модального компонента «*мне кажется*», «*не знаю*» показывает, что говорящие считаются с мнением друг друга и стремятся к диалогу, решению вопросов вместе.

Можем сделать вывод, в процессе данного речевого диалога был рассмотрен тематический фрагмент, связанный с покупкой колготок. Данный фрагмент можно также связать с тематическим фрагментом грязной одежды ребёнка, в связи с попыткой М. приобрести новые колготки для своей внучки и обеспечить её чистой одеждой.

Схема группы полнозначной тематической лексики данных тематических фрагментов выглядит следующим образом:

Представленная схема описывает стремление собеседницы (М.) обеспечить ребенку (Ритке) наличие чистой одежды через поиск подходящих колготок. В связи с тем, что ребенок маленький, требуются маленькие колготки, в то время как белые колготки не пригодны, застираясь в процессе. Кроме того, М. должна выстирать грязную одежду ребенка для ношения в будущем. Таким образом, в данных тематических рассматривается решение проблемы чистоты одежды для маленького ребенка.

В данном случае связь между высказываниями конкретизируется ассоциативной связью, что объясняет, почему изменение темы разговора (смена контекста) не является случайным с точки зрения содержания беседы.

Обратимся к следующим тематически связанным фрагментам – 9 и 11. Выделим предметный тематический ряд представленной лексикой: *Ксюша (2), такая (1), вчера (2), по маме (1)*. Характеризующий тематический (в этом фрагменте выделен только предикативно-характеризующий ряд, тематические слова, формирующие обстоятельственно-характеризующий ряд не выделены) ряд слов фрагментов состоит из глаголов: *разговаривала (2), не приезжала (2), позвонила (3), соскучилась (2)*. Кроме однозначных слов, в группу тематической лексики включается личное местоимение *она*, творительно-падежная местоименная форма *со мной*.

Обратимся к лексике и докажем связанность слов с определенными тематическими фрагментами: *такой* – 2. При прилагательных и существительных, обозначающих свойство, состояние, оценку и т. п.; употребляется для выражения сильной степени называемого свойства, состояния или усиления оценки [МАС 1984: 300]; *разговаривать* – 2. с кем и без доп. Разг. Поддерживать отношения, общаться [МАС 1984: 252]; *приезжать* – прибыть куда-л., достичь какого-л. места, передвигаясь на чем-л. [МАС 1984: 122]; *позвонить* – 3. Сов. к звонить. Вызывать звонком телефонного аппарата для разговора по телефону [МАС 1984: 101]; *соскучиться* – 2. обычно о ком-чем, по кому-чему. Затосковать без кого-, чего-

л. [МАС 1984: 350]; *мама* – то же, что мать 1. Женщина по отношению к рожденным ею детям [МАС 1983: 152].

Особняком в ряду тематических слов фрагмента является лексема *вчера*, имеющая следующее значение – 1. В день, предшествовавший сегодняшнему дню; накануне [МАС, 1981: 243]. Аналогично ранее рассмотренной лексеме *сегодня*, включение слова *вчера* в группу тематической лексики фрагмента представляется необходимым, чтобы корректно определить временную отнесенность данного фрагмента и всего диалога. Общение между собеседницами фокусируется на событиях, которые произошли вчера, поэтому это слово должно быть включено в тематическую группу для формирования соответствующего временного контекста. Кроме этого, важно отметить, что становится возможным проследить связь между тематическими фрагментами всего диалога – разговор происходил о событиях сегодняшнего дня, а затем были обсуждены события предшествующего дня.

Мы объединили тематические фрагменты 9 и 11 на том основании, что ряд слов из данных тематических фрагментов состоит из связанных между собой предикатов. Глагол *разговаривать* связан с общением, *приезжать* – с перемещением, *звонить* – с общением на расстоянии (поскольку дочь *не приезжала*), глагол *соскучиться* связан с чувствами старшей дочери М., которое возникает, когда человек долго не видится или не общается с кем-то, кого он любит; в этом случае человек желает соединиться с этим человеком через общение, проезд или звонок.

В данных тематических фрагментах нами выделен модальный компонент, который можно обозначить как "заинтересованность" (см. реплики Д.), который прослеживается на протяжении тематических фрагментов 9 и 11. Например, наблюдается продолжение дискуссии о старшей дочери М. в 11 тематическом фрагменте через инициирование вопроса Д. о причине звонка.

Учитывая результаты компонентного анализа лексических значений тематических слов, местоименные повторы полнозначных единиц (она),

распределим слова, формирующие группу тематической лексики в соответствии с частотностью их употребления в тексте.

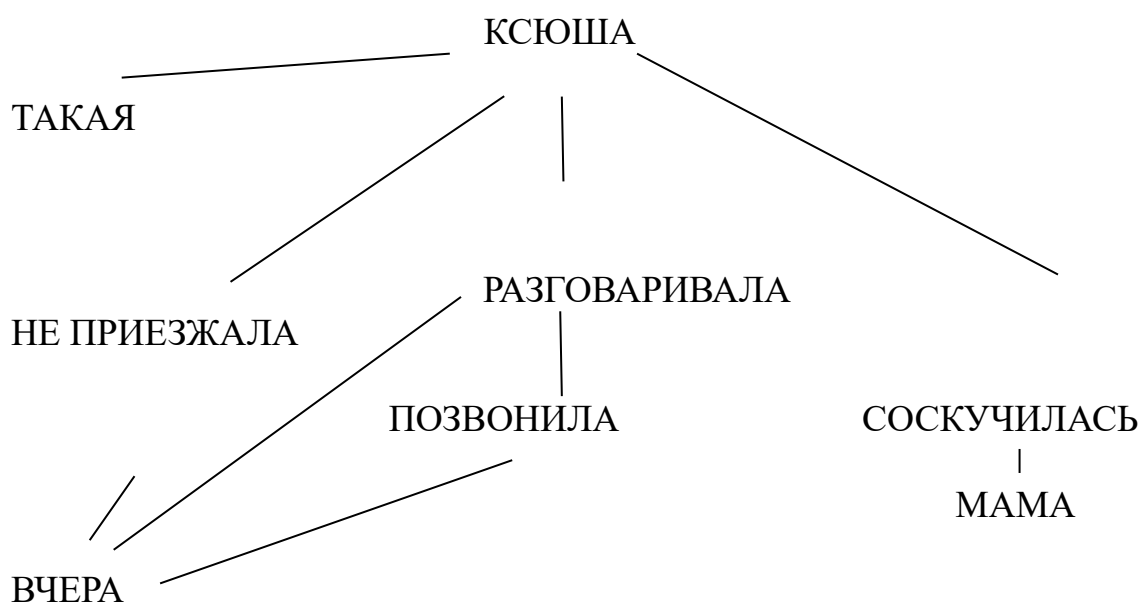
<i>Ксюша</i>	10	
<i>Такая</i>	1	2
<i>Разговаривать</i>	12	2
<i>Не приезжать</i>	2	1
<i>Позвонить</i>	3	3
<i>Соскучиться</i>	2	2
<i>Мама</i>	1	1
<i>Вчера</i>	2	1

Предметная тема данного тематического может быть определена на основании частотности упоминания старшей дочери М. – «Ксюша». Такое определение темы мы находим и в той фразе коммуникантки М., которая начинает фрагмент: «*Ксюша такая / она ведь со мной вчера разговаривала!*» В отличие от фрагментов, для которых тезисы тематического фрагмента были свернуты до номинативного имени темы, в данном случае таким же образом трудно выделить тезис тематического фрагмента, поскольку он имеет предикативную основу.

Фрагмент интересен тем, что в нем мы не встречаем других однозначных лексических единиц, называющих *Ксюшу* – во всех фразах фрагмента находим лишь местоименные замены таких однозначных единиц (*она, такая*). Мать называет свою дочь *Ксюшей*, используя разговорный атрибутив *такая*, поскольку за данным словом стоит скрытое порицание: М. недовольна старшей дочерью, так как незадолго до этого между ними произошла ссора. Порицание – это выражение неодобрения, осуждения; выговор [ТСОШ 2011: 699]. Коммуникативная ситуация порицания направлена на понижение социального статуса, оказание отрицательного эмоционального воздействия [Ван Вэньцзя 2017: 10]. Таким образом несмотря на то, что сложившееся положение дел оценивается негативно и мать обижена

на старшую дочь, ей не терпится поделиться с младшей дочерью новостью о звонке: *я / насколько поняла / что она соскучилась*. Скрытая агрессия по отношению к дочери сменяется жалостью и умилением. В реплике просматривается нескрываемая радость: дочь нашла в себе силы *позвонить* первой и примириться.

Схема группы полнозначной тематической лексики данных тематических фрагментов выглядит следующим образом:

Так, мы можем дать следующее название этому тематическому фрагменту – «Звонок Ксюши».

При сравнении анализированных тематических фрагментов можно выделить два типа определения имени предметной темы. Определяя имя темы, мы опирались на словосочетание, содержащее процессуальное значение, а также на предметный ряд тематической лексики фрагмента. Анализ тематических фрагментов речевого диалога подтвердил это наблюдение и показал, что определение имени темы может основываться на лексемах, относящихся к предметному тематическому ряду или к характеризующему тематическому ряду группы тематической лексики. При определении имени

темы на основе лексемы, относящейся к характеризующему тематическому ряду, связь с ситуативной рамкой диалога оказывается теснее. Кроме того, определение имени темы на основе существительного затрудняет формулировку предикативного обозначения темы и тезиса тематического фрагмента. При определении имени темы на основе глагола эти затруднения отсутствуют.

Путем выделения тематических фрагментов и соотнесения их с предметным содержанием, можно выявить, что начало каждого фрагмента, выраженное инициальной фразой, играет важную роль в тематическом развитии речевого диалога. Инициальная фраза задает предметную тему фрагмента и является одной из первых фраз, которые содержат явное представление о теме, развиваемой во всех последующих репликах фрагмента.

Проведение сплошного лексико-семантического анализа разговорного диалога позволяет выявить порядок появления тем и их последовательность в диалоге.

- ТФ-1 – Покупка игрушек.
- ТФ-2 – Теплая куртка.
- ТФ-3 – Покупка игрушек.
- ТФ-4 – Грязная одежда ребенка.
- ТФ-5 – Покупка колготок.
- ТФ-6 – Грязная одежда ребенка.
- ТФ-7 – Покупка колготок.
- ТФ-8 – Грязная одежда ребенка.
- ТФ-9 – Звонок Ксюши.
- ТФ-10 – Покупка колготок.
- ТФ-11 – Звонок Ксюши.

Следует отметить, что темы могут отличаться по своему составу, продолжительности, содержанию, а также по формальной и смысловой связи между ними. Изучение различных отношений между тематическими фрагментами в диалоге также является важным аспектом исследований, но не является задачей нашего исследования.

Мы видим, что на протяжении всего речевого диалога возможным становится выделить 5 тем в 11 тематических фрагментах – «Покупка

игрушек», «Теплая куртка», «Грязная одежда ребенка», «Покупка колготок», «Звонок Ксюши». На первый взгляд между этими тематическими фрагментами нет явной связи или общей темы. Каждый фрагмент описывает отдельное событие или покупку. Однако при проведении компонентного анализа связь между данными тематическими фрагментами становится очевидной – они относятся к повседневной жизни матери, описывают ее заботу о детях, покупки для них, для себя; кроме того, наблюдается временная последовательность диалога, где материнские высказывания включают события прошлого и настоящего дня, а также планируются действия на будущее, на завтра.

Тематический фрагмент – это текстовая единица, которая имеет общую тему, определяемую по наличию тематических слов, объединенных в группу тематической лексики. Мы выяснили, что предметная тема тематического фрагмента обычно вводится в начале фрагмента при помощи инициально-тематической фразы. Тема фрагмента более точно определяется на основе всего содержания тематического фрагмента.

Разговорный диалог – это последовательность различных тематических фрагментов, которые связаны с определенной ситуацией. Анализ тем каждого фрагмента и их последовательности позволяет выявить основную идею и логику развития диалога в целом.

Разговорный диалог не представляет собой единой предметной темы, а складывается из отдельных тематических фрагментов, каждый из которых может рассматриваться как отдельная самостоятельная единица в рамках диалога. Анализ тематических фрагментов показывает, что разговорный диалог может содержать несколько тем, что соответствует политематичности разговорной речи в целом [Девкин, 1979; Ширяев, 1982; Земская, 1988].

На основании вышеизложенной мысли мы посчитали справедливым взять отдельные тематические фрагменты и рассмотреть более подробно, какие темы и каким образом предпочитает обсуждать мать, каким образом поддерживает эмоциональную связь с ними.

Следующее диалогическое взаимодействие происходит между матерью (М.) и дочерью (Д., 24 года) в домашней обстановке в присутствии отца, который не участвует в разговоре.

М. Папа какие мне перчатки новые купил // Потрогай какие //

Д. О-о! Приятные перчатки!

М. Хочешь / подарю?

Д. Нет //

М. Вот прям кожа сама по себе //

Д. У[h]у //

М. Классно // Прям носить я их не хочу //

Д. Как раз и надо их носить!

М. Дак чё / жалко //

Женщина показывает дочери подарок, хваля мужа: *Папа какие мне перчатки новые купил // Потрогай какие //*. Относительное местоимение *какой* служит для выражения положительной оценки вещи. Коммуникативное согласие указывает на заботу о дочери: *Хочешь, подарю?* Мать руководствуется исключительно добрыми побуждениями: качество вещи настолько хорошее, что она готова отдать ее дочери, следуя принципу «Всё лучшее – детям». Мать заботится о близких людях и жертвует собой. Косвенная положительная оценка мужа, угодившего жене замечательным подарком, сигнализируют о том, что женщина оценила подарок по достоинству. Матерью ценится психологический комфорт в семье, положительные эмоции членов семейного круга. Тематический фрагмент дает представление о мудрости женщины-жены, которая «ненавязчиво» оценила заботу близкого человека и преподала урок дочери. Кроме того, проявляется и женская природа: порадоваться, умилиться красивой вещи.

Рассмотрим следующий тематический фрагмент. Разговор между матерью (М.), дочерью (Д.) и мужем М. и отцом Д. (П., 60 лет) происходит в домашней обстановке.

Д. У тебя желудок болит?

М. У[h]у //

Д. Отчего?

М. Поем и живот болит //

Д. Кошмар //

П. Потому что не ест ничего / худеет всё //

М. Я? Худею? Мне надо похудеть на двадцать килограмм / как это сделать? (смеется) (пауза) Не жрать // (смеется) Мне сёдня сказали / что я не фотогеничная / между прочим // Просто я услышала / они такие / ну / как бы я подошла не вовремя / им уже пришлось как бы договорить //

Д. У[h]у / а что они сказали?

М. Что / типа того что / что я в жизни очень яркая / как бы / вообще в жизни / а на фотографиях хуже получаюся //

Мать использует просторечную лексику: *жрать*, груб. неодобр. разг.-сниж. ‘есть, поглощать пищу’ [Химик 2004: 189]. В непринужденном общении с членами семьи она не следит за своей речью: ярким примером является использование глагольного постфикса «-ся». Мать отмечает, что если она ест, то у нее болит *живот* (в значении желудок), т. е. неточно номинирует объект беспокойства.

Сфера заботы матери не ограничивается детьми, она думает и о своем внешнем виде: стремление похудеть связано со здоровьем, потребностью быть привлекательной для мужа, желанием выглядеть красивой в жизни и на фотографиях. Это косвенным образом не может не влиять на представления и поведение дочерей. Упрек мужа (*Потому что не ест ничего / худеет всё //*) заставляет женщину кокетничать, занижать самооценку: *Я? Худею? Мне надо похудеть на двадцать килограмм / как это сделать?*

Красота является одной из основополагающих характеристик, наполняющих содержание образа женщины, в том числе и матери. В национальных представлениях о матери делается акцент прежде всего на духовной красоте, нивелируется самость, но женское начало проявляется и в потребности быть внешне привлекательной. Современные представления об эталоне женской красоты требуют ориентации на параметры моделей. Это заставляет современных женщин молодиться, заботиться о фигуре, внешнем виде, сидеть на диетах.

Рассмотрим следующий тематический фрагмент. Разговор происходит в домашней обстановке между матерью (М.) и дочерью М. (Д.).

М. Вот ты знаешь / что я тебе советую / чем заняться / все-таки?

Д. Чем?

М. Каллиграфией //

Д. То / что почерк у меня плохой? Да я знаю //

М. Ты знаешь / это / во-первых / это очень хороший хлеб // С одного человека берут / если ты франшизу купишь, сама научишься писать / да / франшизу купишь / мало того / что ты сама научишься писать / но один человек стоит ну как минимум четыреста / пицот рублей в час //

Д. У[h]у // Ну как репетиторство //

М. То есть ты двоих посадила / за час у тебя тыща // Знаешь / ну тАк нигде не платят / я могу тебе точно сказать //

Мать, начинает разговор советом: ... я тебе советую/ чем заняться/ все-таки... каллиграфией. Совет подкрепляется аргументацией: это очень хороший хлеб; сама научишься писать; тАк нигде не платят. Реализуется стереотип: «мать плохого не посоветует». Здесь проявляется забота матери о будущем дочери, о ее материальном положении.

Следующая коммуникация происходит в семейной обстановке между матерью (М.), дочерью (Д.) и отцом Д. и мужем М. (П.)

П. (о бывшей классной руководительнице Д.) Валентину Александровну встретил //

М. О / и че ты ей сказал?

П. Ну спрашивала // Дружат они? (о Д. и ее молодом человеке) Дружат до сих пор / говорю // Никита вот учится тоже // Дашка тоже учится // Всё пока нормально // Я уж не стал говорить //

М. Живут вместе год уже //

П. Замуж вышла // (смеется)

Д. Ну как / я еще не вышла замуж // Пока рано еще //

М. Давай / выходи замуж //

Д. Мам / да какой...

М. Чё // Ну разведётся //

Д. Ну еще лет... вот пять лет //

М. Нет!

Д. Чё нет-то?!

М. Выходи замуж!

Д. Мама! Нет! Я не буду выходить замуж еще лет пять!

М. Нельзя так делать!

Д. А чё нельзя?

М. Ну нельзя так делать //

Д. А смысл этого штампа в паспорте?

М. Ну не знаю / мне кажется / оно многое значит //

Д. Нет / оно много значит / но это значит же обязательства и обязанности //

М. Это да // Это обязательства и обязанности / я согласна с тобой //

Д. А зачем это?

М. Отец / скажи ей это //

Д. Да / вот зачем в двадцать один год это?

(молчание)

(вздых М.)

М. А чтоб потом не нашлась та / что на пять лет моложе / и ей будет вовремя / уже готового // Незаменимых нет! У нас все заменяются / знаешь // Кажется / что люди прожили по двадцать / тридцать лет //

Д. Ну а как брак-то от этого спасёт? Никак же // Если человек захочет изменить / он изменит и уйдет // Его ничего не остановит //

М. Ну всё равно есть какой-то тормоз от этого //

Д. А смысл от этого тормоза / если у человека возникают такие мысли вообще в принципе в голове?

М. Мысли такие всё равно возникают // Вот они всё равно возникают // Мы все люди // У нас всякие мысли возникают // Дурацкие / не дурацкие / они всё равно возникают //

Между матерью и дочерью возникает спор на тему брака и свободного сожительства, создающий ментально-коммуникативное напряжение. Мать использует настойчивый совет (предлагает дочери выйти замуж, но в случае необходимости *развестись*). В качестве подкрепления своей позиции она обращается за поддержкой к мужу: *Отец / скажи ей это //* – поскольку мать придерживается традиционной модели семьи, у нее выстраивается представление об иерархии, в которой муж – глава семьи, и его слова являются авторитетными как для жены, так и для детей.

Замешательство мужа-отца проявляется в молчании, которое выполняет функцию «не сообщения какой-то ожидаемой адресатом информации» [Гулакова 2004: 84]. Дочь остается при своем мнении: *А смысл этого штампа в паспорте? Это значит же обязательства и обязанности*. Мать не может понять нравы современных молодых людей, придерживается традиционных взглядов: *так нельзя, поскольку это многое значит*. Для нее важна ценность брака, традиционной семьи.

Не найдя поддержки в лице мужа, мать берет на себя роль авторитетного

родителя, наставляет дочь, используя тактики предупреждения и угрозы: *не выйдешь замуж/ найдет на 5 лет моложе/ тебя заменят*. На аргумент дочери: *Если человек захочет изменить – он изменит и уйдет* – находится контраргумент матери: брак – тормоз для измен, ведь *все люди*, и у всех *возникают дурацкие мысли*.

Диалог-спор обнажает противостояние, конфликт отцов и детей: девушке необходимо выйти замуж, чтобы удержать рядом мужчину ↔, девушке не нужно торопиться с замужеством, стоит жить в гражданском браке. Мать руководствуется здравым смыслом, основанным на жизненном поколенческом опыте. Она хочет видеть свою дочь счастливой, а счастье и стабильность в семейной жизни возможны, по ее мнению, на основе традиционного брака. Мать боится за будущее дочери: *если дочь не выйдет замуж, ее заменят*. Вместе с тем допускаются возможность развода и мысли об измене. Она смотрит на моделируемую ситуацию прагматически.

Следующий диалог происходит между матерью (М.) и двумя дочерьми (Д. и К.) в домашней обстановке:

М. *Я вот салат мясной приготовила. Вкусный. Будешь? Майонезу не надо тебе к салату, Ксюш?*

К. *Не надо / мама //*

М. *Мне чё / майонезу и салата жалко // Даша / тебе положить? Чё / нормальный салат?*

Д. *Никто есть не будет //*

М. *Не будешь?*

Д. *Нет //*

М. *Хлеб забирай / Ксюш / мне не надо / я сейчас сбегаю за хлебом // Слышишь? Хлеб // А / кстати / я твою курточку выстирала / Ксюш //*

Мать берет на себя роль заботницы и хозяйки: ей важно накормить своих детей. Выражение заботы о ближнем реализуется с помощью лексики с гастрономической семантикой (*мясной салат, майонез*), оценочным атрибутивом *вкусный*, настойчивым призывом попробовать угощение: *Даша / тебе положить?* Она старается угодить детям, которые отказываются от угощения: *Чё / нормальный салат// Не будешь? Мне чё / майонезу и салата*

жалко; Хлеб забирай / Ксюш / мне не надо / я сейчас сбегаю за хлебом // Слышишь? Хлеб//. Забота о детях проявляется в тактике констатации факта помощи: *Я твою курточку выстирала / Ксюш //.* Женщина реализует традиционные роли хозяйки, заботницы о членах семейного круга, хранительницы домашнего очага.

Таким образом, роль матери в тематических фрагментах конкретизируется в психологическом аспекте: *заботливая мать* (для речевого поведения которой характерно выражение заботы, констатации факта, совета), *хозяйственная мать* (используются уговор, настойчивый совет, предложения, информирования), *любящая мать* (используются негативная оценка, косвенная похвала, запреты, предупреждения). В коммуникации переплетаются роли матери и жены (женщины), бабушки и даже подруги, поскольку в некоторых ситуациях общения со взрослыми дочерьми нивелируется семейная иерархия.

Выводы по главе 2

Методика анализа разговорного диалога использует лексико-семантический подход, который позволяет выявить группы тематической лексики и произвести объективный тематический анализ речевого материала.

Темы, которые поднимаются в семейной коммуникации матерью, могут быть очень вариативными и зависеть от конкретной ситуации. Однако обычно мать чаще всего поднимают следующие темы: забота о здоровье и благополучии семьи, домашние дела, общение с семьей и эмоциональное состояние членов семьи, поведение и воспитание детей, финансы, моральные ценности.

Мать не всегда является образцом для подражания: в общении с детьми она использует обсценную, жаргонно-просторечную лексику, вульгаризмы, не следит за чистотой речи. Несмотря на то, что она получила высшее образование, она ближе к носителям просторечной культуры, хотя в

официальной коммуникации, где актуализируются другие социальные роли, она активно владеет литературным языком.

Заключение

Данное исследование посвящено изучению актуальной проблеме – описанию речевого портрета женщины в контексте важной социальной роли – матери.

В данной дипломной работе была проведена обширная теоретическая и практическая работа по исследованию речевого портрета.

В первой главе были рассмотрены основные аспекты описания речевого портрета, включая понятие речевого портрета, лексические особенности функционально-разговорного стиля, разговорный диалог с позиции текстового анализа.

Во второй главе был представлен опыт описания речевого портрета матери, где были рассмотрены общее предметно-тематическое структурирование разговорного диалога, лексические средства и особенности речевого поведения матери в различных ситуациях общения.

Методика анализа разговорного диалога использует лексико-семантический подход, который позволяет выявить объективный речевой портрет женщины-матери по данным внутрисемейной коммуникации.

В семейной коммуникации возникают разнообразные ситуации, обеспечивающие свободное проявление индивидуальности человека, в том числе в области языка, что позволяет говорить об особой, уникальной среде для развития языковой личности. Семья является небольшим обществом, в которой существует своя иерархия, влияющая на процесс коммуникации. Кроме того, общение между детьми и родителями, а также между другими родственниками зависит от множества факторов, включая психологические и социальные особенности коммуникантов, сложившиеся отношения внутри семьи и формат общения в конкретной ситуации. Изучая речевой портрет женщины во внутрисемейной коммуникации, можно узнать закономерности возникновения значения слова, области его использования и его интеграции в языковую систему.

Женщина во внутрисемейной коммуникации может выступать как заботливая мать, любящая жена или бабушка, а иногда даже как подруга для взрослых дочерей. В семье женщина-мать занимает особую роль, поскольку она заботится о таких важных аспектах, как здоровье и благополучие семьи, управление домашними делами, эмоциональное и физическое состояние членов, воспитание детей, управление финансами и передаче моральных ценностей.

Речь женщины в социально-релевантной роли матери имеет определенные лексические особенности, в общении реальная женщина-мать не всегда может рассматриваться как образец для подражания. Смена социальной роли женщины не влечет за собой перемены в выборе лексических единиц.

В результате исследования были сделаны выводы о том, что речевой портрет является важным объектом исследования в лингвистике, а его описание может быть полезным для понимания коммуникативного поведения людей. Кроме того, данная работа позволила уточнить некоторые аспекты описания речевого портрета и представить конкретный опыт его описания на примере реальной матери.

Список использованной литературы

Словари

1. Бельчиков Ю. А. Просторечие / Ю. А. Бельчиков // Лингвистический энциклопедический словарь – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 402.
2. Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. – Москва : Эксмо, 1997. – 672 с.
3. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
4. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
5. Мельник Я. Словарь криминального и полукриминального мира: мат, сленг, жаргон (2004) / Я. Мельник [Электронный ресурс]. – URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/criminal-slang/index.htm> (дата обращения: 03.03.2023).
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 2000. – 940 с.
7. МАС – Словарь русского языка : В 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – Москва : Русский язык, 1981–1984.
8. Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта, 2003. – 695 с.
9. Толковый словарь русский разговорной речи. Вып. 1: А – И / отв. ред. Л. П. Крысин. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 776 с.
10. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. – Санкт-Петербург : Норинт, 2004. – 762 с.

Научная литература

1. Адмони В. Г. Грамматика и текст / В. Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 63–69.
2. Арнольд И. В. Тематические слова художественного текста /

И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1971. – № 2. – С. 6–12.

3. Арнольд И. В. Интерпретация текста как установление иерархии его частей / И. В. Арнольд // Лингвистика текста : материалы научной конференции / МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – Москва : [б. и.], 1974. – Ч. 1. – С. 28–32.

4. Арнольд И. В. Стилистика декодирования : [курс лекций] / И. В. Арнольд. – Ленинград : [б. и.], 1974. – 75 с.

5. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – Москва : Флинта : Наука, 2012. – 376 с.

6. Арутюнова Н. Д. К проблеме связности прозаического текста / Н. Д. Арутюнова // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова : сб. ст. / отв. ред. В. Г. Костомаров. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – С. 22–30.

7. Асташова О. И. Речевой портрет современного российского политика: динамический аспект : дис. ... канд. филол. наук / О. И. Асташова. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 159 с.

8. Балаян А. Р. Основные коммуникативные характеристики диалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Р. Балаян. – Москва : [б. и.], 1971. – 19 с.

9. Барина И. А. Ключевые слова в семантической структуре текста в разговорной речи / И. А. Барина // Живое слово в русской речи Прикамья: межвуз. сб. науч. тр. / [гл. ред. Ф. Л. Скитова]. – Пермь : ПГУ, 1992. – С. 35–41.

10. Барт Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. – Москва : Прогресс, 1978. — С. 442–449.

11. Богданов В. В. Речевое общение. Прагматический и семантический аспекты : учеб. пособие / В. В. Богданов. – Ленинград : ЛГУ, 1990. – 88 с.

12. Богин Г. И. Современная лингводидактика : учеб. пособие / Г. И. Богин. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.

13. Богин Г. И. Филологическая герменевтика : учеб. пособие /

Г. И. Богин. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1982. – 87 с.

14. Богин Г. И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. – Ленинград : [б. и.], 1984. – 354 с.

15. Бухбиндер В. А. О некоторых теоретических и прикладных аспектах лингвистики текста / В. А. Бухбиндер // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам : [сб. тр.]. – Киев : Вища школа, 1978. – С. 30–38.

16. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

17. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.

18. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – 253 с.

19. Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование / В. Г. Гак // Вопросы французской филологии : сб. тр. / [отв. ред. В. Г. Гак]. – Москва : [МГПИИ им. В. И. Ленина], 1972. – С. 123–136.

20. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи / В. Г. Гак // Иностранные языки в школе. – 1982. – № 5. – С. 11–17.

21. Гальперин И. Р. О понятии «текст» / И. Р. Гальперин // Лингвистика текста : материалы научной конференции / МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – Москва : [б. и.], 1974. – Ч. 1. – С. 67–72.

22. Гальперин И. Р. О понятии «текст» / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 68–77.

23. Гиндин С. И. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации / С. И. Гиндин // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Москва : [б. и.], 1971. – Вып. 14. – С. 114–135.

24. Гиндин С. И. Связный текст: формальное определение и элементы типологии / С. И. Гиндин. – Москва : [б. и.], 1971. – 43 с.

25. Гордеева М. Н. Речевой портрет и способы его описания / М. Н. Гордеева // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы

коммуникации. – 2008. – № 6. – С. 89–101.

26. Девкин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской : учеб. пособие / В. Д. Девкин. – Москва : Высшая школа, 1981. – 160 с.

27. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – Москва : Междунар. отношения, 1979. – 253 с.

28. Дресслер В. Введение в лингвистику текста / В. Дресслер // Проблемы теории текста. – Москва : ИНИОН, 1978. – С. 55–73.

29. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – Москва : Русский язык, 1979. – 240 с.

30. Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – Москва : Наука, 1988. – С. 5–44.

31. Земская Е. А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога / Е. А. Земская // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – Москва : Наука, 1988. – С. 234–240.

32. Земская Е. А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – Москва : Наука, 1981. – 276 с.

33. Зернецкий П. В. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе / П. В. Зернецкий // Языковое общение: единицы и регулятивы / отв. ред. И. П. Сусов. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1987. – С. 89–95.

34. Капанадзе Л. А. Лексико-семантические особенности разговорной речи / Л. А. Капанадзе // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. – Москва : Наука, 1983. – С. 148–149.

35. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. – Москва : Наука, 1989. – 263 с.

36. Китайгородская М. В. Наблюдения над построением устного просторечного текста / М. В. Китайгородская // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – Москва : Наука, 1988. –

С. 156–182.

37. Кожина М. Н. Статус стилистики в современном языкознании / М. Н. Кожина // Статус стилистики в современном языкознании : межвуз. сб. науч. тр. / гл. ред. М. Н. Кожина. – Пермь : ПГУ, 1992. – С. 1–26.

38. Колшанский Г. В. Текст как единица коммуникации / Г. В. Колшанский // Проблемы общего и германского языкознания : [сб. ст. : посвящ. Н. С. Чемоданову / редкол.: Э. М. Медникова и др.]. – Москва : Изд-во МГУ, 1978. – С. 26–37.

39. Крылова О. А. Понятие нулевой темы и синтагматическая зависимость/независимость высказывания / О. А. Крылова, Е. К. Красин // Синтаксис и стилистика: функциональные аспекты : сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Крылова. – Москва : Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1982. – С. 3–9.

40. Крылова О. А. Отдельное предложение высказывание и связный текст: коммуникативный аспект / О. А. Крылова, Т. В. Матвеева // Филологические науки. – 1990. – № 1. – С. 60–70.

41. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – Вып. 1. – С. 90–106.

42. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке в конце XX века / Л. П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – 2000. – № 5. – С. 63–91.

43. Кузнецов И. Н. Деловое общение. Деловой этикет : учеб. пособие / И. Н. Кузнецов. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 378 с.

44. Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа / Н. А. Купина. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. – 160 с.

45. Купина Н. А. Замысел автора или вымысел читателя / Н. А. Купина // Речевое мышление и текст : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И. Я. Чернухина. – Воронеж : Малое межотраслевое предприятие «Петровский сквер», 1993. –

С. 5–15.

46. Купина Н. А. Стилистика современного русского языка / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева – Москва : Юрайт, 2013. – 415 с.

47. Ларин Б. А. Об эвфемизмах / Б. А. Ларин // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. – 1961. – Вып. 60. – № 301. – С. 110–124.

48. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А. А. Леонтьев // Синтаксис текста : [сб. ст.] / [отв. ред. Г. А. Золотова]. – Москва : Наука, 1979. – С. 18–36.

49. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента : дис. ... канд. филол. наук / С. В. Леорда. – Саратов : [б. и.], 2006 – 161 с.

50. Малинин Б. А. К вопросу о так называемой разнородности текстов разговорной речи / Б. А. Малинин // Синтаксис предложения и текста : сб. науч. тр. / [редкол.: Л. Г. Фридман и др.]. – Пятигорск : ПГПИИЯ, 1989. – С. 70–79.

51. Мамаева С. В. Речевой портрет школьника 5–7 классов : дис. ... канд. филол. наук / С. В. Мамаева. – Кемерово : [б. и.], 2007. – 202 с.

52. Мамаева С. В. Своеобразие речевой субкультуры школьника-подростка / С.В. Мамаева // Письма в Эмиссия.Оффлайн. – 2007. – № 1. – С. 1123.

53. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.

54. Матвеева Т. В. Функциональные стили и текстовые категории / Т. В. Матвеева. // Статус стилистики в современном языкознании : межвуз. сб. науч. тр. / гл. ред. М. Н. Кожина. – Пермь : ПГУ, 1992. – С. 57–67.

55. Матвеева Т. В. Непринужденный диалог как текст / Т. В. Матвеева // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : Институт развития регионального образования, 1994. – С. 125–140.

56. Метс Н. А. Структура научного текста и обучение монологической речи / Н. А. Метс, О. Д. Митрофанова, Т. Б. Одинцова. – Москва : Русский язык,

1981. – 141 с.

57. Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие / О. И. Москальская // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 3. – С. 9–17.

58. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – Москва : Высшая школа, 1981. – 183 с.

59. Николаев В. П. Контекстуально-семантическая взаимосвязь реплик вопросно-ответного диалогического текста / В. П. Николаев // Структура и функции сверхфразовых единств : [межвуз. сб. науч. тр.]. – Пятигорск : ПГПИИЯ, 1988. – С. 72–78.

60. Николаева Т. М. Актуальное членение – категория грамматики текста / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 48–54.

61. Новиков А. И. Применение денотативной структуры текста для перевода научно-технической литературы / А. И. Новиков // Психолингвистические проблемы грамматики : [сб. статей] / [редкол.: Е. Ф. Тарасов и др.]. – Москва : НИИ общ. педагогики, 1979. – С. 66–75.

62. Новиков А. И. К вопросу о теме и денотате текста / А. И. Новиков, Г. Д. Чистякова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 1. – С. 48–56.

63. Откупщикова М. И. О некоторых проблемах лингвистики текста / М. И. Откупщикова // Вопросы лингвистики текста. – Грозный : Чеч.-Ингуш. ун-т, 1979. – С. 120–130.

64. Печке Х. Решение коммуникативных задач и понятие «тема» / Х. Печке // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам : [сб. тр.]. – Киев : Вища школа, 1978. – С. 188–204.

65. Полищук Г. Г. Семантико-стилистический анализ спонтанных и неспонтанных текстов / Г. Г. Полищук // Вопросы стилистики. Устная и письменная формы речи : межвуз. науч. сб. / отв. ред. О. Б. Сиротинина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – С. 7–24.

66. Полищук Г. Г. Семантико-стилистический анализ / Г. Г. Полищук // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского

языка. Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1992. – С. 277–302.

67. Попов Ю. В. Система языка и система текста / Ю. В. Попов // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств : межвуз. темат. сб. / отв. ред. И. П. Сусов. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1980. – С. 66–73.

68. Пфютце М. К вопросу о диалектическом единстве интра- и экстралингвистических факторов при коммуникативно-функциональной интерпретации поэтических текстов / М. Пфютце // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам : [сб. тр.]. – Киев : Вища школа, 1978. – С. 17–24.

69. Реферовская Е. А. Семантико-синтаксические принципы членения речевого потока / Е. А. Реферовская // Лингвистика текста : материалы научной конференции / МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – Москва : [б. и.], 1974. – Ч. 2. – С. 32–34.

70. Ризун В. В. О теме текста и тематической группе слов (теоретический аспект) / В. В. Ризун // Язык и композиция газетного текста. Теория и практика : сб. ст. / отв. ред. Л. М. Майданова. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 32–37.

71. Сибирякова И. Г. Тематическое структурирование разговорного диалога : дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Сибирякова. – Екатеринбург : [б. и.], 1996. – 238 с.

72. Сгалл П. Некоторые вопросы смысловой структуры текста / П. Сгалл, Е. Гайчова // Проблемы создания и развития МСНТИ. – 1975. – № 2. – С. 21–25.

73. Сильман Т. И. Лирический текст и вопросы актуального членения / Т. И. Сильман // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 91–99.

74. Складаревская Г. Н. Прагматика и лексикография / Г. Н. Складаревская // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: к 60-летию члена-корреспондента РАН Караулова Ю. Н. / [Редкол.: Ю. С. Степанов и др.] –

Москва: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 63–71.

75. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.

76. Слюсарева Н. А. Гиперсинтаксический уровень языка и лингвистическое членение текста / Н. А. Слюсарева, Н. И. Теплицкая // Предложение и текст в семантическом аспекте : межвуз. темат. сб. / отв. ред. И. П. Сусов. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1978. – С. 91–105.

77. Смит Дж. Б. Тематическая структура и тематическая сложность / Дж. Б. Смит // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика / сост. и вступ. ст. И. Р. Гальперина. – Москва : Прогресс, 1980. – С. 333–355.

78. Солганик Г. Я. Язык и стиль передовой статьи / Г. Я. Солганик. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 75 с.

79. Сорокин Ю. С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» / Ю. С. Сорокин // Материалы и исследования по истории русского литературного языка / [отв. ред. В. В. Виноградов]. – Т. 1. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1949. – С. 95–160.

80. Сухих С. А. Организация диалога / С. А. Сухих // Языковое общение: единицы и регулятивы : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И. П. Сусов. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1987. – С. 95–102.

81. Чахоян Л. П. Функционально-семантические составляющие текста-диалога / Л. П. Чахоян // Предложение и текст в семантическом аспекте : межвуз. темат. сб. / отв. ред. И. П. Сусов. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1978. – С. 139–145.

82. Чернухина И. Я. Культура речи – Прагматика – Риторика – Стилистика / И. Я. Чернухина // Статус стилистики в современном языкознании : межвуз. сб. науч. тр. / гл. ред. М. Н. Кожина. – Пермь : ПГУ, 1992. – С. 122–130.

83. Чистякова Г. Д. Смысловая структура текста как определяющий фактор его понимания / Г. Д. Чистякова // Семантика, логика и интуиция в мыслительной деятельности человека : [сб. ст.] / под ред. [и с предисл.]

А. Н. Соколова и др. – Москва : Педагогика, 1979. – С. 101–126.

84. Чистякова Г. Д. Формирование предметного кода как основы понимания текста / Г. Д. Чистякова // Вопросы психологии. – 1981. – № 4. – С. 50–59.

85. Ширяев Е. Н. Структура разговорного повествования / Е. Н. Ширяев // Русский язык: текст как целое и компоненты текста : Виноградовские чтения-ХI / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1982. – С. 106–121.

86. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1977. – 168 с.